
нод.
инаида

АѲИНАИДА,

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТРЫВОКЪ.

Твореніе славнаго Арнода.

Переводъ съ Французскаго

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,
у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія.

1794.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Аѳинаида, Историческій отрывокЪ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Логики и Метафизики Профессоръ и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,*

Андрей БрянцевЪ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Почтеніе и признательность побудили меня сей первый опытъ трудовъ моихъ украсить именемъ Вашего Высокоблагородія, какъ такой Особы, коея отличными милостями съ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ имѣю щастіе пользоваться. — Чрезвычайно лестно для меня будетъ, естьли Вы сію малую жертву моея благодарности удостоите благосклоннаго своего принятія. Этотъ новый знакъ Вашего особеннаго благоволенія усугубитъ во мнѣ охоту къ полезнымъ упражненіямъ и въ моемъ сердцѣ, толико оживляемомъ

емомъ Вашими благодѣяніями, болѣе умножитъ оное достодолжное высокопочитаніе и преданность, съ коими имѣю честь навсегда къ Вамъ пребыть,

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЯ

Покорнѣйшій слуга,

Кондратъ Фроловъ.

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ,

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ

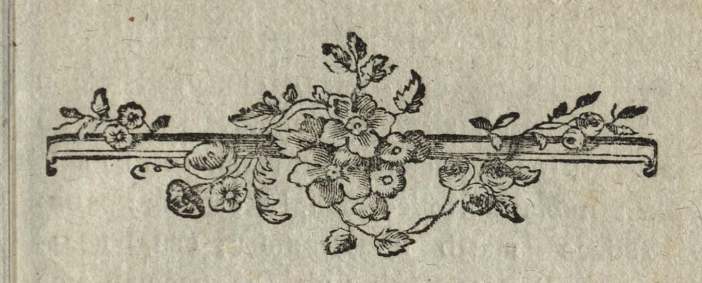
СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКУ

ПОРУТЧИКУ,

ВАСИЛЬЮ ИВАНОВИЧУ

ЛИХАЧЕВУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ.

АѲИНАИДА.

Казалось, что Аѳины (*) и по разрушеніи своемъ еще существовали. Знаменитость ихъ нѣкоторымъ образомъ

 удер-

(*) Казалось, что Аѳины и проч. Одна только тѣнь Аѳинъ осталась; (говоритъ одинъ Авторъ тогдашняго вѣка) одни имена только извѣстны были сихъ мѣстъ, кои прославились столь прекрасными твореніями. Аѳиняне, будучи тщеславны и лживы, не взирая на свое чрезвычайно бѣдственное и низкое состояніе, еще питали гордый духъ свой пустымъ благородствомъ и нелѣпыми баснями; они утверждали, что когда Аларикъ взошелъ съ побѣдою въ ихъ городъ, то Минерва, вооруженная своею эгидою, явилась на окопахъ, также Ахиллесъ, по ихъ мнѣнію, разсѣялъ ужасъ по сердцамъ Готѳовъ, показавшись имъ точно въ такомъ видѣ, въ какомъ явился Троянамъ по смерти Патрокловой.

удерживала при нихъ сіе уваженіе и сію славу, которыя пріобрѣли они съ столь блистательными титлами во время цвѣтущаго состоянія своего; хранившіеся тамъ монументы, свидѣтельствуя о прежнемъ ихъ величествѣ, еще возбуждали любовь къ художествамъ; никто безъ ощущенія воспламенившагося въ себѣ стихотворческаго жару не могъ ступить на гробницу, сокрывающую почтенный прахъ Софокла и Еврипида. Гомерово имя по всему городу гремѣло. Всѣ съ жадностію смотрѣли на Лицеумъ и Портику, — мѣста, гдѣ Сократъ и Платонъ преподавали наставленія своимъ ученикамъ и старались содѣлать ихъ мудрыми. Все это убѣдительнымъ образомъ заставляетъ почитать остатки такой республики, о коей потомство всегда будетъ говорить съ благоговѣніемъ. Императоръ Адріанъ столько уважалъ Аѳинскія развалины, что повелѣлъ тамъ выстроить огромныя зданія и библіотеку, уступавшую развѣ только Птоломеевой. Въ исходѣ четвертаго вѣка благороднѣйшіе

шіе юноши стекались окончивать свое ученіе въ семъ городѣ, которой безъ лести можно назвать убѣжищемъ и святилищемъ наукъ. Василій, Григорій Назіанзинъ, Іуліанъ, Ливаній, Симмахъ, словомъ: всѣ великіе мужи, довольно уже упражнявшіеся въ Константинопольскихъ, Кесарійскихъ и Палестинскихъ училищахъ, одолжены однимъ Аѳинамъ тою степенію учености, которая даетъ имъ столь несравненное преимущество надъ прочими ихъ современниками.

Леонъ былъ одинъ изъ числа главныхъ Аѳинскихъ украшеній и почитался первымъ мудрецомъ. Имя сіе, еще тогда необезображенное злоупотребленіемъ, означало людей почтенныхъ, — людей, посвятившихъ всю свою жизнь наукамъ и добродѣтели; учителей, въ Академіяхъ публично преподававшихъ свои наставленія. Сей славной Философъ велъ жизнь совершенно благополучную, былъ богатъ, уменъ, не подозрителенъ въ своемъ поведеніи, наслаждался блистательною славою, какъ

лестнѣйшею и единою наградою дарованій и добродѣтели. Онъ имѣлъ двоихъ сыновъ и одну дочь; сія послѣдняя, столь извѣстная свѣту подъ именемъ Аѳинаиды (*), тѣмъ любезнѣе была виновнику своихъ дней, что съ рѣдкою сво-

(*) Подъ именемъ Аѳинаиды и проч. Г. Демолетъ такъ намъ описываетъ ее въ своихъ ученыхъ и историческихъ запискахъ: Леонъ, примѣтивъ остроуміе въ своей дочери и способность къ наукамъ, самъ началъ учить ее, и она превосходно успѣла въ Краснорѣчіи, Поэзіи, Философіи и во всѣхъ частяхъ Математики. Природа, къ вящшему украшенію столь рѣдкихъ дарованій, излила на нее всѣ свои щедроты и даровала искусство нравиться. Все въ ней было любезно, все дышало прелестями. Авторъ далѣе подробно описываетъ ея пріятности: молодая Гречанка была чрезвычайно умна, пригожа, миловидна, имѣла самое пріятное и нѣжное расположеніе лица, большіе глаза, живые и привлекательные, совершенно пропорціональной носъ, ослѣпительную бѣлизну, бѣлокурые волнистые волосы, стройную талію, благородную осанку: словомъ, всѣ тѣлесныя прелести и всѣ пріятности разума, которой обогащали науки всѣмъ тѣмъ, что есть въ нихъ изящнѣйшее.

своею красотою соединяла чувствительную и твердую душу, веселой и скромный нравЪ. Краснорѣчіе, Поэзія и Философія, казалось, Леоновыми устами внушили ей всѣ свои высокія наставленія. Она живо изображала вЪ себѣ славную Ипатію, (*) нещастную Ѳе-

(*) Славная Ипатія. ДемолетЪ и Бо согласны между собою вЪ приписываемыхЪ похвалахЪ сей славной дѣвицѣ и вЪ обвиненіи ХристіанЪ, оказавшихЪ надЪ нею свою ярость, которую первый изЪ сихЪ ИсториковЪ правильно называетЪ безразсудною ревностію; Бо слѣдующимЪ образомЪ описываетЪ сіе нещастное приключеніе: Ипатія была язычница, дочь Ѳеона, славнаго Геометра Александрійскаго. Она, будучи несравненно умнѣе и самаго отца своего, пріобрѣла себѣ громкую славу своими сочиненіями и публичнымЪ преподаваніемЪ всѣхЪ частей Философіи. ИзЪ Египта и изЪ прочихЪ провинцій толпою стекались слушать ея наставленій, и она занимала первое мѣсто вЪ Платонической школѣ, а чтобЪ и наружность соотвѣтствовала званію, то надѣвала Философскую епанчу. Сія дѣвица, не уступающая вЪ славѣ Милетской Аспазіи, а цѣломудріемЪ и оную превосходящая, хотя и чрезвычайно при-

го-

Ѳеонову дочь, пріобрѣтшую отъ всѣхъ почтеніе своею мудростію и высокими добродѣтелями. Смерть сея дѣвицы и злодѣяніе нѣкоторыхъ Христі-

---

гожа была, однако совсѣмъ особенное отъ порочной любви почтеніе къ себѣ вливала въ сердца многочисленныхъ слушателей, кои какъ красотою, такъ и знаніемъ ея привлекаемы были. Исторія свидѣтельствуетъ, что среди самаго сладострастнѣйшаго и предпріимчиваго юношества чистота нравовъ ея не обезображивалась поноснымъ стыдомъ, даже и при самомъ злословіи. Поелику главные судьи часто посѣщали ее, и самый Намѣстникъ многократно просилъ у нее совѣтовъ: то народъ и думалъ, что она была главнѣйшимъ препятствіемъ къ примиренію Кирилла съ Орестомъ, (Кириллъ былъ Епископомъ Александрійскимъ, а Орестъ отправлялъ въ Египтѣ должность Намѣстника; оба они другъ на друга негодовали въ разсужденіи Христіанъ и Жидовъ, кои взбунтовались въ Александріи и рѣзали одинъ другаго) и однажды, какъ Ипатія выѣхала изъ дому, бунтовщики, надъ коими начальствовалъ Петръ, чтецъ Александрійскія церкви, окружили колесницу ея, и насильно вытащивъ ее изъ оной, повлекли въ церковь, называемую Кесарія, и не уважая ни святости мѣста, ни ея пола, ни даже чело-

стіанъ, порѣваемыхъ сильнымъ движеніемъ духа, вовсе различнымъ отъ священной и чистой ревности, которая долженствуетъ ихъ одушевлять, большее придали сіяніе славѣ ея.

Аѳинаидинъ отецъ не старался скрывать того предпочтенія, которое отдавалъ ей предъ прочими своими дѣтьми. Валерій и Генезій худо умѣли пользоваться своимъ хорошимъ воспитаніемъ. Они потому только, замѣчаетъ одинъ почтенный Авторъ, заслуживаютъ нѣкоторое уваженіе, что были братья Аѳинаидѣ, осыпаемой толикими похвалами. Смертельная болѣзнь внезап-

---

человѣчества, раздѣли нещастную до нага, и разтерзали тѣло ея на мѣлкія части, кои принесши на мѣсто, называемое Кинаронъ, сожгли. Всего досаднѣе, что такое злодѣяніе осталось безъ наказанія, и убійцамъ только нужно было истратить нѣсколько денегъ на исходатайствованіе себѣ покровительства Евнуховъ, кои представили Императору сіе убійство подъ такими видами, какіе имъ выдумать за благо разсудилось.

но поразила мудраго Леона во время самаго цвѣтущаго здравія его. — Не плачь, (сказалъ онъ дочери своей, предавшейся неутѣшной печали) я проникаю въ мрачную завѣсу будущихъ судебъ Парки прерываютъ нить моей жизни; — я съ веселіемъ низхожу во гробъ; блистательное щастіе ожидаетъ тебя; и въ разсужденіи сего особеннаго предчувствованія умирающій сдѣлалъ слѣдующее несправедливое и достойное посмѣянія завѣщаніе: все имѣніе оставляю двоимъ сыновьямъ моимъ, Валерію и Генезію съ тѣмъ, чтобъ они удѣлили изъ онаго сто литръ золота сестрѣ своей Аѳинаидѣ; я предвидѣлъ, и даже умираю въ той надеждѣ, что ея высокія достоинства будутъ ей довольнымъ средствомъ къ пріобрѣтенію великаго богатства, и ей не нужно болѣе означенныя мною суммы.

Сіе отрѣшеніе отъ наслѣдства поражаетъ изумленіемъ и тяжкою печалію Аѳинаиду, мало полагавшуюся на предвѣщанія отца своего, кои можно

счесть

счесть за пустую мечту (*); она старается возстановить права крови и природы, заклинаетъ своихъ братьевъ; со слезами повергается къ ихъ ногамъ, униженно проситъ самой малѣйшей части изъ наслѣдства. Но можно ли тронуть подлыя души, ожесточенныя корыстолюбіемъ, съ коимъ рѣдко не сопряжено безчеловѣчіе? Они до того простираютъ свое варварство, что выгоняютъ ее изъ отеческаго дому; сей звѣрскій поступокъ въ отчаяніе повергаетъ нещастную. Она находясь близъ угрожающихъ ей бѣдствій и опасностей, обыкновенно сопровождающихъ нищету, намѣревается прибѣгнуть къ род-

(*) Кои можно счесть за пустую мечту. Леонъ вѣрилъ нелѣпостямъ Астрологическимъ, сей заразѣ, отъ коей давно уже страждетъ духъ человѣческій. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что узналъ будущую судьбу своей дочери, коей звѣзды обѣщали блистательное щастіе и случай, по коему иногда сбываются такія предсказанія, поддерживаетъ сіи глупости, и даетъ имъ видъ справедливости. Сбылось, что Аѳинаида взошла на тронъ. Безчисленное множество такихъ примѣровъ, кои подкрѣпляютъ сіи химеры.

родственницѣ, коея небогатое состоянiе, казалось, обнадеживало ее въ чувствительности. О вы! гонимые судьбою, не льститесь въ богачахъ найти своихъ сострадателей: тамъ-то найдете желѣзныя и мѣдныя рѣшетки! Богатые сродники печальной Леоновой дочери заключили отъ нея свои домы; одна бѣдная Эмина отверзла ей свою хижину. Аѳинаида излила предъ нею горесть души своей; добродушная тетка подавала нещастной утѣшенiе, и чрезъ то озаряла сердце ея благотворительнымъ лучемъ надежды. — Судя по сущности дѣла, любезная племянница, кажется, что мы получимъ желаемое намъ удовлетворенiе, и теперь, можетъ быть, напрасно грустимъ. Надобно намъ ѣхать въ Константинополь, лицепрiятiе тамъ не торжествуетъ надъ правами и истиною. Всѣ прославляютъ мудрость и просвѣщенiе сестры Ѳеодосiевой (*); говорятъ, что нещастная

(*) Сестры Ѳеодосiевой. Пульхерiя еще на пятнатцатомъ году своего возраста возло-

стная можетъ съ дѣломъ предстать предъ самымъ трономъ. Пойдемъ и по-

---

ложила на себя бремя правленія, въ коемъ до нее главное участіе имѣлъ Анѳимій. Изъ всѣхъ Аркадіевыхъ дѣтей (говоритъ ле Бо) одна сія Принцесса наслѣдовала великую душу дѣда своего (Ѳеодосія великаго). Благоразуміе, будучи въ другихъ плодомъ опытности, въ ней было даромъ природы. Единый проницательный взглядъ мгновенно открывалъ ей настоящее дѣло, которое немедленно и было исполняемо; она прекрасно говорила по Гречески и по Латынѣ, и чисто писала на обоихъ сихъ языкахъ, была собою прекрасна, благосклонна, щедра къ бѣднымъ, построила великое множество церквей, гофшпиталей, не отягчая притомъ народа сими благочестивыми заведеніями. Пульхерія по причинѣ ухищреній, кои казались язвительными чести ея, отказалась отъ верховнаго правленія, и удалилась въ деревню, отстоявшую на 16 миль отъ Константинополя. По нѣкоторомъ времени, когда всѣ дѣла пришли въ замѣшательство, и Имперія клонилась къ совершенному паденію, Папа Леонъ писалъ къ сей Принцессѣ и униженно просилъ ее возвратиться ко двору. Она опять приняла правленіе безъ всякаго роптанія на брата своего, и не открывала виновниковъ

повергнемся къ стопамъ Пульхеріи, можетъ быть, возбудимъ въ ней сожаленіе.

Эми-

ковъ своего нещастія. Сделавшись полною обладательницею государства по смерти Феодосія II, наказала всехъ, кои во зло употребляли его доверенность, и безъ всякаго нарушенія девственнаго своего обета вышла за мужъ, съ темъ, чтобъ не досталась Имперія такому слабому человеку, которой могъ бы унизить величество ея. Она знатнымъ и пригожимъ придворнымъ Вельможамъ предпочла воина, родомъ не славнаго и уже сединою украшеннаго. Марціанъ, сказала ему Принцесса, мне известна твоя храбрость и я могу увенчать ее. Обещайся подъ клятвою, что, естьли удостою тебя избрать себе въ супруга, не будешь колебать моего непременнаго намеренія сохранять девство до самаго гроба. Съ симъ условіемъ даю тебе руку и Имперію. Пульхерія, увенчанная славою, скончалась на 54 году, 18 Февраля 453 году. Она и по смерти своей еще поддерживала государство: ибо оставила по себе Марціана, добраго Государя. Будучи нежною матерью къ беднымъ, сделала ихъ своими наследниками. Весь Востокъ проливалъ объ ней слезы, и на гробнице ея воздвигнута статуя, и церковь въ честь ея совершаетъ празднество, установленное любовію къ добродетели.

Эмина спѣшитъ произвесть сіе намѣреніе въ самое дѣйство, и обѣ идутъ въ Константинополь. Въ самомъ дѣлѣ Востокъ съ удивленіемъ взиралъ на младую Государыню, въ юномъ возрастѣ, склонномъ къ однѣмъ забавамъ, занимавшуюся неусыпнымъ стараніемъ о поддержаніи братней короны. Сія Августѣйшая дѣвица, удивленіе и слава женскаго пола, жизнію и рѣдкою своею красотою пожертвовала только однѣмъ выгодамъ Ѳеодосія II (*), въ ней

(*) Ѳеодосія II. Онъ чрезвычайно привязанъ былъ къ Религіи. Можетъ быть сіе превосходнѣйшее качество уже простиралось въ немъ далѣе своихъ границъ: ибо злоупотребленіе и самое зло всегда почти вмѣшиваются въ добро. Сей Государь имѣлъ глубокое познаніе въ наукахъ и искусствахъ, а особливо въ Астрономіи и Естественной Исторіи. Онъ умѣлъ цѣнить остроумныя сочиненія, и ободрялъ ученыхъ честьми и другими наградами. Искусенъ былъ въ живописи и лѣпной работѣ. Всѣхъ превосходилъ въ тѣлесныхъ экзерциціяхъ, съ виду былъ тихъ и пріятенъ, росту средняго, талію имѣлъ пропорціональную, глаза черные, волосы бѣло-

ней одной состоялЪ весь совѣтЪ старѣйшинЪ. И безЪ всякаго противорѣчія благополучное царствованіе Аркадіева преемника (*) есть дѣйствіе Пуль-

бѣлокурые ненавидѣлЪ пышность и гордость, былЪ щедрЪ, неутомимЪ и великодушно сносилЪ стужу и жарЪ, голодЪ и жажду: словомЪ, былЪ примѣромЪ терпѣнія и скромности. Власть неограниченнаго владычества болѣе простиралЪ на свои страсти, нежели на подданныхЪ, и будучи не склоненЪ кЪ сильному гнѣву и прелестямЪ роскоши, не внималЪ совѣтамЪ мщенія. Главная Θеодосіева добродѣтель, составлявшая сущность его характера, состояла вЪ мудрости, благородной скромности и проч. ВЪ предисловіи одного изданнаго имЪ указа находимЪ слѣдующее: „Мы увѣрены, что сами тогда получаемЪ благодѣяніе, когда находимЪ случай благотворить НашимЪ подданнымЪ. „Мы считаемЪ потеряннымЪ тотЪ день, „которой не украсили какимЪ нибудь но„вымЪ дѣйствіемЪ Нашего благоволенія. Ще„дрость производитЪ вЪ душѣ Нашей нѣ„которое тайное удовольствіе. Дѣлать лю„дей щастливыми, есть важнѣйшая долж„ность Государей. Она дѣлаетЪ человѣка „БожіимЪ содѣйствователемЪ.„

(*) Аркадіева, и проч. ПодЪ его правленіемЪ можно помѣстить паденіе сего Колосса,

Пульхеріиной мудрости. Руки, рожденныя, такЪ сказать, кЪ веретену,

Б сЪ

са, которой вЪ продолженіе тысячи двухЪ сотЪ-лѣтняго стоянія, казалось, своею массою хотѣлЪ раздавить всю вселенную. При немЪ Римская Имперія была только одинЪ призракЪ, ослѣплявшій тѣмЪ, чѣмЪ прежде былЪ; распутства, возвѣщающія пагубу государству, даже и тогда оказывались, когда старались ихЪ истребить. Злодѣяніе (говоритЪ ле Бо сЪ сильнымЪ краснорѣчіемЪ) тамЪ потеряло стыдЪ. ИсторикЪ приводитЪ этому примѣрЪ, которой, при первомЪ взглядѣ, покажется смѣшнымЪ, а по точнѣйшемЪ разсмотреніи произведетЪ негодованіе. Эвталій Лаодикійскій посланЪ былЪ вЪ Лидію, онЪ изнурялЪ сію провинцію своими насильствами. РуфинЪ за сіе положилЪ на него пеню, состоявшую вЪ 15 ливрахЪ золота, и послалЪ нѣсколько ОфицеровЪ, чтобЪ они принудили его заплатить оную. Эвталій отщиталЪ означенную сумму и положилЪ вЪ мѣшокЪ, которой запечаталЪ государственною печатью; но послѣ на мѣсто онаго мѣшка проворно подмѣнилЪ другой, совершенно подобной первому. ДворЪ только посмѣялся такому дурному поступку; всѣмЪ захотѣлось посмотрѣть Эвталія, и это было причиною повышенія его. ОнЪ сдѣланЪ былЪ

Ки-

съ великимъ благоразуміемъ и твердостію управляли Имперіею. Всѣ рѣдкія

каче-

Киринейскимъ Намѣстникомъ. Пусть изъ сего всякой судитъ о злоупотребленіяхъ и необузданной роскоши пожиравшихъ двѣ Имперіи, Восточную и Западную! Развращеніе такъ усилилось, что первостатейные богачи наглымъ образомъ получали себѣ годоваго доходу до 4 миліоновъ съ половиною, а второстатейные по полтора миліона. Надобно ли еще искать другихъ причинъ паленія Римской Имперіи? Мы представимъ здѣсь одинъ примѣръ тѣхъ ужасныхъ безпорядковъ, коими раздираемы были всѣ части государства. Іуліанъ опредѣлилъ только 17 придворныхъ Агентовъ, но послѣ него умножилось ихъ до десяти тысячь. И такъ именно сія безстыдная роскошь была настоящею язвою, истребившею храбрыхъ Римлянъ. Она несравненно зловреднѣе всѣхъ тѣхъ наказаній, кои терзали ихъ чрезъ цѣлой вѣкъ. Признаюсь, что не можно безъ содроганія воззрѣть на сію трогательную картину. Царствованіе Аркадіево тѣмъ болѣе безславно, что сей Государь жестоко поступалъ съ С. Златоустомъ, коего смерть ему можно поставить въ вину, поелику онъ не защищалъ сего великаго мужа отъ бѣшенства гонителей.

качества великаго Θеодосія (*) нѣкоторымъ образомъ вмѣстѣ съ кровію

 со-

(*) Великаго Θеодосія. Сей Государь, вовсе отличный отъ своихъ дѣтей и возведенный на престолъ за свои великія качества, заслуживаетъ сіи приписываемыя ему слова: Θеодосіева доброта возрастала вмѣстѣ съ величествомъ его. Конечно былъ онъ добродѣтеленъ, когда у всѣхъ привелъ въ забвеніе Θессалійское убійство, да и самое потомство за оное, кажется, простило ему. При семъ-то случаѣ показалъ Святый Амвросіи, сколь величественна Религія, когда защищаетъ она права человѣческія. Не то свойственно Государю, говаривалъ Θеодосій, чтобъ долго жить, но чтобъ жить хорошо. Онъ взиралъ на свое величество, какъ на власть повсюду изливать свои благодѣянія. Не бывъ ученымъ, чрезвычайно любилъ онъ всѣ науки, и съ особливымъ удовольствіемъ читалъ Исторію. Будучи чувствителенъ къ дружбѣ и признателенъ, неблагодарность почиталъ онъ самымъ гнуснѣйшимъ порокомъ. Сей-то Императоръ пресѣкъ у язычниковъ постыдное обыкновеніе закалать жертвы, и приказалъ вмѣсто животныхъ употреблять плоды и цвѣты. Какъ люди могли думать, что невинно пролитая кровь пріятна небесамъ. Но признаться надобно, что

сообщились его внукѢ. Она сЪ благороднѣйшими чувствованіями соединяла глубокую ученость, сЪ пылкостію ума рѣдкую красоту. Много препятствій надлежало ей преодолѣть, — надлежало ей восторжествовать надЪ своею юностію, надЪ своими прелестями и надЪ оною чувствительностію, коей рѣдкія сердца не испытали при двадцатилѣтнемЪ возрастѣ. Правда, никто вЪ томЪ не сумнѣвается, что Религія и добродѣтель всегда были господствующими впечатлѣніями вЪ великой душѣ ея. — СЪ нѣкотораго времени Пульхерія почувствовала большую противЪ обыкновенной привязанность

что Феодосій сдѣлалЪ непростительную ошибку, допустивЪ варваровЪ служить вЪ своемЪ войскѣ. ОнЪ далЪ имЪ, такЪ сказать, вЪ руки мечь, и научилЪ искусству воевать, что имЪ подало удобныя средства возстать противу своихЪ благодѣтелей и разрушить РимЪ. ЧегожЪ недоставало вЪ Феодосіи изЪ всѣхЪ тѣхЪ качествЪ, кои составляютЪ Монарха? — Разборчивости вЪ людяхЪ, сего главнѣйшаго правила трудной науки царствовать.

ность къ Павлину (*): чрезъ нея-то онъ сделался близокъ къ Θеодосію. Сей младый Царедворецъ умѣлъ пользоваться благосклонностію и довѣренностію своего Государя. Его не можно уподобить

 тѣмъ

(*) Къ Павлину. Вотъ какъ отецъ Демолетъ намъ описываетъ его: „ Близокъ былъ къ Θеодосію молодый Вельможа, именемъ Павлинъ, человѣкъ любезной: онъ былъ статенъ, пригожъ, имѣлъ пылкой умъ, тонкой вкусъ и чрезвычайную способность къ наукамъ, къ важнымъ и для увеселенія служащимъ экзерциціямъ: словомъ, рѣдкими своими дарованіями заслуживалъ отъ всѣхъ особенное почтеніе. Павлинъ достоинъ былъ Монаршаго благоволенія, и долго украшался именемъ любимца, пока зависть и придворные не оклеветали его. Наконецъ щастіе озлобилось на его столь рѣдкое благополучіе. Онъ снискавши своею ученостію Императрицыну благосклонность, въ коей не было ничего укоризнельнаго, попалъ въ коварныя сѣти своихъ враговъ, умѣвшихъ въ кроткомъ Монархѣ возбудить духъ ревнивости. Θеодосій съ сихъ поръ смотрѣлъ на Павлина, какъ на подлаго льстеца, и тотчасъ нашелъ случай удалить его отъ двора. Нещастной любимецъ посланъ былъ въ Кесарію Каппадокійскую, гдѣ послѣ лишенъ и жизни.

тѣмъ подлецамъ, кои во зло употребляютъ Монаршія милости. Онъ, казалось, хотѣлъ и самую свою покровительницу превысить въ тщаніи, содѣлать Императора достойнымъ Константинова скипетра, воспламенялъ сердце юнаго Государя повѣствованіемъ славныхъ дѣяній, учиненныхъ предками его, а особливо говорилъ ему о великомъ Ѳеодосіи, коего имя навсегда сохранено будетъ между малымъ числомъ оныхъ Монарховъ, кои по справедливости достойны того, чтобъ воспоминала объ нихъ Исторія. Сей любимецъ столь мало имѣлъ сходства съ своими сверстниками, что при дворѣ почитался примѣромъ въ добродѣтели. Но при такомъ отличномъ поведеніи имѣлъ онъ и сердце, иногда забывался слушая онаго и питая въ себѣ такую страсть, которая никогда не могла увѣнчана быть щастливымъ успѣхомъ. Наконецъ, не усматривая неодолимой преграды, судьбою ему положенной, дерзнулъ обратить взоры на сестру своего Государя, — не привелъ его въ ужасъ оный высокій

санъ,

санѣ, вѣ коемѣ, по опредѣленію небесѣ, родилась Пульхерія; онѣ ничего не замѣчалѣ, ничего не чувствовалѣ, кромѣ очаровательныхѣ прелестей ея, и совершенно предался волненію необузданной своей страсти. При всемѣ этомѣ вѣ немѣ еще осталось столько силѣ, что могѣ онѣ скрывать столь безразсудной жарѣ; и хотя иногда приходили такія минуты, гдѣ обнаруживались желанія его, но присутствіе Государыни повергало его вѣ предосудительное замѣшательство.

Пульхерія, лучше умѣющая управлять собою, сѣ твердостію духа испытывала себя и проникала вѣ глубину своего сердца, чегобѣ другая женщина, кромѣ Ѳеодосіевой сестры, никакѣ не сдѣлала. Сія великая дѣвица разсматриваетѣ свою душу, ни мало не потворствуя своей слабости, находитѣ вѣ ней такія чувствованія, кои какѣ бы спорятѣ сѣ ея благородною гордостію. Отѣ чего сдѣлалось во мнѣ впечатлѣніе, еще доселѣ мнѣ неизвѣстное? Мнѣ любезно присутствіе Павлиново,

прі-

пріятны разговоры его; когдажъ нѣтъ его со мною, прихожу въ задумчивость и грусть. Съ чрезвычайною нетерпѣливостію ожидаю той минуты, въ которую должно ему предстать предъ меня. Не его ли я вижу? неужели мои взоры встрѣчаются съ его взорами. Что за непонятное во мнѣ волненіе? .... Я люблю! — Ахъ слабая Пульхерія, не отягчай себя такимъ бременемъ! ты чувствуешь любовь, и кто оныя предметомъ...? Раскрой свое сердце, и извлеки изъ него стрѣлу, уже глубоко вонзенную! — Это не Князь, ни Государь, ни Императоръ, которой причинилъ мнѣ такое смущеніе; но простой Царедворецъ, подданной! — Подданный! вотъ рушитель моего покоя, моея славы!... Я не сумнѣваюсь въ томъ, что онъ любезенъ, добродѣтеленъ, достоинъ Ѳеодосіевыхъ милостей, что вмѣстѣ со мною просвѣщаетъ и укрѣпляетъ въ добродѣтеляхъ такую душу, которая создана для блага цѣлаго свѣта, что достоинъ трона... довольно ли этого? Кто другой можетъ ласкать-

ся надеждою получить мою руку, кромѣ равнаго мнѣ? Но таковыхъ мало въ подсолнечной. Могу Павлину оказывать благосклонность и почтеніе; но не позорную любовь... Мнѣ любить! И возможно ли въ такомъ состояніи брата научать мудрому правленію? Какъ? развѣ я позабыла, что посвятила всю себя пользѣ его и пользѣ всея Греціи? чего свѣтъ можетъ ожидать отъ женщины, сдѣлавшейся рабою своихъ страстей? не должно ли всѣми прочими удовольствіями пожертвовать блистательной славѣ, быть подпорою Ѳеодосію?.. Нѣтъ! — восторжествую надъ постыдною склонностію. Павлинъ! не въ моей ли волѣ состоитъ удалить тебя отсюда? Но ты невиненъ въ моемъ заблужденіи; я сама себя должна наказать укрощеніемъ непозволительнаго своего чувствованія; — изжену изъ сердца сіе чувствованіе, которое унижаетъ и дѣлаетъ меня виновною въ собственныхъ моихъ глазахъ! Всегда живо стану помнить, что я дщерь великаго Ѳеодосія; сіе имя напоминаетъ мнѣ о моихъ

обязательствахъ, — напоминаетъ о томъ, что должна дѣлать.. . Я рѣшилась. — Съ сихъ поръ буду заниматься одною Имперіею, и оставлю любовь такимъ людямъ, коихъ небо не назначило къ важнымъ должностямъ. Смертные, такъ какъ и я, возведенные на самую высочайшую степень, не для самихъ себя существуютъ, но для безчисленныхъ народовъ. Пульхерія есть дщерь, есть супруга цѣлаго государства; а по тому ему одному и должна совершенно преданною быть.

Пульхерія еще не довольна была тѣмъ, что утвердилась въ сихъ мысляхъ. Она съ сего самаго времени вооружилась противъ самой себя сверхъ естественнымъ мужествомъ, надзирая неусыпнымъ окомъ надъ малѣйшими впечатлѣніями, внутрь себя ощущаемыми, и ничего такого себѣ не позволяла, что могло льстить ея страсти, которую рѣшилась преодолѣть; ей не безъизвѣстно было, что всякую страсть легко истребить при самомъ началѣ ея; что сердце, желающее восторжествовать

вать надъ оною, должно быть непримиримымъ ея врагомъ, и не ослабно изнурять себя.

Павлину такаяжъ твердость духа потребна была; но онъ предавался своимъ сердечнымъ движеніямъ, кои отъ слабости его со дня на день болѣе усиливались.

Варанъ (*) въ сіе время возшелъ на Персидской престолъ. Отецъ его Издегердъ твердо хранилъ миръ съ

(*) Варанъ. Отецъ его Издегердъ, преклоненный тонкою Анѳиміевой политикою, вмѣсто того, чтобъ поколебать начало благополучнаго царствованія Ѳеодосія II, объявилъ себя покровителемъ его. Онъ заключилъ съ симъ Государемъ миръ на сто лѣтъ, и по смерть свою не нарушалъ сего договора. Изъ оной между двумя Монархами связи родилась нелѣпая басня, принятая Прокопіемъ, которой написалъ, будто Аркадій при смерти своей оставилъ Ѳеодосія подъ защиту Персидскаго Государя. Издегердъ умеръ въ 420 году отъ Рожд. Христ и царствовалъ 21 годъ. Сынъ его Варанъ V наслѣдовалъ ему, и тотчасъ собою доказалъ, что дѣти поступаютъ совсѣмъ иначе, нежели какъ ихъ отцы. Онъ былъ ужаснѣйшій врагъ Христіанъ.

Греческою Имперіею. Новой Монархъ отправилъ Пословъ къ Θеодосію. Разсѣялся слухъ, что они, именемъ своего Государя, Пульхерію будутъ требовать въ супружество. Такая неожидаемая новость подобно громовой стрѣлѣ поразила юнаго Царедворца, совершенно предавшагося своей страсти. Θеодосій замѣтилъ его смущеніе. Онъ вопрошаетъ его не тономъ неограниченнаго повелителя, но съ нѣжностію сострадательнаго друга. Нещастный любимецъ слабо и съ замѣшательствомъ отвѣчаетъ; — у него катятся изъ глазъ слезы. — Любезная сестрица! сказалъ Императоръ Пульхеріи (входящей въ его чертоги) Павлинъ не открываетъ мнѣ причины своего безпокойства, которое живо изображено на его челѣ. Ты знаешь, какъ я люблю его. Останься съ нимъ, можетъ быть лучше меня проникнешь въ его тайну. Θеодосій сказавъ сіе немедленно ушелъ.

Чувствительное сердце Пульхеріи тронулось Павлиновою горестію, она убѣждаетъ его открыться; но неща-

щастнаго еще большая обЪяла грусть по выходѢ ГосударевомЪ. ОнЪ мещетЪ на Принцессу пламенные взоры, изЪ коихЪ ясно можно понимать мысль его. Что вамЪ угодно знать, милостивая Государыня? — причину печали, раздирающей мое сердце и смерти, которая скоро прекратитЪ сію ненавистную для меня жизнь, . . . и вы ее не угадаете? Сей знаменитый дворЪ . . . скоро васЪ лишится! . . . и ВаранЪ . . . Государыня, будетЪ вамЪ супругомЪ!

Едва нещастный произнесЪ сіи послѢднія слова, Принцесса поспѢшно отЪ него удалилась, она все поняла, все проникнула, увидѢла и не обманулась, что ПавлинЪ любитЪ ее, что и сама ощущаетЪ вЪ себѢ сильнѢйшій жарЪ сея пагубныя любви. И такЪ не одна я люблю, сказала она, и меня любятЪ, и я не могу уступить. — МнѢ казалось, что я теперь внимала гласу состраданія. Нещастная! ты обманываешься! это нѢжность . . . это любовь! она пробудилась вЪ полной своей силѢ. ПавлинЪ! . . . онЪ

 умретЪ

умретъ отъ любви! Ахъ! я этому вѣрю, судя сама по себѣ: конечно, одна только смерть можетъ положить предѣлъ симъ волненіямъ, и сему столь пагубному состоянію души! Сіи ужасныя мученія наконецъ покорятъ меня подъ власть любви, восторжествуютъ надо мною. — Это навлечетъ безразсудная страсть: Павлинъ!... ты будешъ побѣдителемъ. Допущу ли тебя умереть?

Что я сказала? любовь одерживаетъ надо мною побѣду! Чтожъ будетъ значить добродѣтель, величество и должность моя? Развѣ до сихъ поръ съ толикимъ мужествомъ я преодолѣвала себя для того, чтобъ послѣ болѣе себя обезчестить, болѣе посрамить. Сестра Ѳеодосіева, повелительница Востока, будетъ Павлиновой любовницей! Какихъ плодовъ отъ сея любви должно ожидать? Не нарушится ли чрезъ нее благополучіе моего брата, — благополучіе цѣлой Имперіи?

Она написала письмо Павлину, и въономъ назначила время, въ которое онъ долженъ былъ явиться ко двору.

Царе-

Царедворецъ не знаетъ, чему приписать сіе неожидаемое приглашеніе; тысяча противныхъ идей колеблютъ духъ его: онъ раскаевается въ своей излишней откровенности, обвиняетъ неумѣренность своего жара, страшится какъ подданный, какъ любовникъ, чтобъ не притти въ отвращеніе у сестры своего Государя. Но при всемъ томъ еще питаетъ въ себѣ лестную надежду, неразлучно съ любовію соединенную, которая можетъ быть и составляетъ главнѣйшее удовольствіе сея страсти, и вознаграждаетъ всѣ жестокія мученія.

Наконецъ идетъ онъ робкими шагами къ своей повелительницѣ.

Многочисленная свита придворныхъ окружала тронъ Пульхеріи. О Павлинѣ доложили. Государыня повелѣваетъ всѣмъ выйти. — Подойди сюда, сказала она трепещущему любовнику, я хочу съ тобою наединѣ поговорить. Сядь и выслушай меня.

Павлинъ! я не думала, чтобъ ты когда нибудь дерзнулъ во зло употребить мои милости, чтобъ осмѣлился устремить на меня свои взоры и питать въ себѣ

непозволительныя чувствованія. Она не могла болѣе говорить. Павлинъ повергается къ ея стопамъ: — такъ, милостивая Государыня, осмѣливаюсь открыться въ этомъ предъ вами. Я первый изъ смертныхъ преступникъ, — ваши прелести, ваши добродѣтели, — сія душа, свыше влiянная въ васъ съ тѣмъ, чтобъ давать вселенной законы, очаровала меня. Я нарочно забывалъ и старался скрывать отъ самаго себя, что вы сестра, что вы дщерь великихъ Императоровъ, равная моему Государю. Я на васъ не иначе смотрѣлъ, какъ на дѣвицу, обожанія достойную; ваша красота, и сіи рѣдкія душевныя качества, и безъ знатнаго вашего рожденія, превознесли бы васъ выше всѣхъ смертныхъ. Признаюсь, я чрезвычайно безразсудно и дерзко поступилъ, что осмѣлился питать къ вамъ непреодолимую любовь . . . Милостивая государыня, сіе слово болѣе не вылетитъ изъ устъ моихъ; въ послѣдній разъ произношу его. Смерть загладитъ мое преступленіе!… — Павлинъ! встань и выслушай меня со вни-

вниманіемЪ. Ты не одинЪ виновенЪ: и я также имѣю сердце; давно уже твой образЪ... АхЪ! избавь меня отЪ такого безчестія, чтобЪ я вЪ твоихЪ глазахЪ сдѣлалась недостойною своего высокаго сыну, — недостойною Ѳеодосіевой крови. Небо между обоими нами положило разстояніе. Мы не созданы одинЪ для другаго. Это игра немилосердаго рока! Пульхерія не можетЪ быть Павлиновой супругой! СтанемЪ лучше повиноваться сему непремѣнному опредѣленію. ИзЪ этого довольно можешь понять, что безЪ означеннаго препятствія твои чувствованія не были бы мнѣ противны. (ПавлинЪ при сихЪ словахЪ хотѣлЪ было повергнуться кЪ ПульхеріинымЪ стопамЪ). Постой! — Сей знакЪ любви, коей мы не должны слушать, мнѣ противенЪ... Не оскорбляй Пульхеріи; я вЪ этомЪ сЪ своей стороны покажу тебѣ славной опытЪ, которой послужитЪ кЪ взаимному нашему утѣшенію. Естьли страшишься, чтобЪ я не вступила вЪ такой бракЪ, которой всегда будетЪ терзать твое серд-

це: то подъ клятвою говорю тебѣ: никогда Гименъ не возложитъ на меня оковъ своихъ; скоро въ этомъ увѣришься. Ступай, удались, я не хочу и не должна теперь слушать твоихъ словъ! Павлинъ! не забывай, что это Пульхерія приказываетъ тебѣ.

Принцесса осталась одна, и тогда-то струи слезъ, наподобіе быстрой рѣки, п катились изъ глазъ ее. — Еще ли я мало оказываю нечувствительности? еще ли мало жертвую своему сану и должности? Добродѣтель, величество, неизбѣжный рокъ, чего вы болѣе требуете отъ меня? Павлинъ меня любитъ, и я ... ахъ! мало сказать, что и я люблю его! Онъ плѣнилъ мою душу, обладаетъ ею, и чтожъ? должно отрещись отъ такой любви!... должно погасить и совсѣмъ истребить изъ сердца сіе чувствованіе, которое облегчало бремя моихъ трудовъ и утѣшало меня въ печальной участи правленія!... О! вы рожденные въ такомъ состояніи, въ коемъ позволительно имѣть нѣжное сердце и предаваться движеніямъ онаго,

го, сколь вы щасшливы! Увы! сшанеше ли мнѣ завидовашь! вы можеше любишь! а я, предъ коею цѣлой Востокъ съ благоговѣніемъ преклоняешъ колѣна, я шомлюсь и воздыхаю подъ несноснымъ бременемъ. Нещасшнѣйшая раба... Павлинъ! какъ шы дорого мнѣ сшоишь. И шакъ проливай слезы печальная Пульхерія, обнаруживай свою скорбь и мученія! — Нѣшъ свидѣшеля швоей слабосши; Пульхерія въ семъ уединенномъ мѣсшѣ можешъ бышь и Государынею и любовницею; дерзкіе и бысшрые глаза не проникнушъ здѣсь въ шайны раздирающейся горесшію души. Не шягосшно ли сіе величесшво, сшоль малую связь имѣющее съ любовію?.. Но онъ знаешъ, — знаешъ, чшо шоржесшвуешъ надъ моимъ сердцемъ, чшо я ему одному онымъ пожершвовала, чшо моя вѣрносшь... Ахъ, Пульхерія! будь свободна въ своихъ желаніяхъ, не покоряйся никому другому, кромѣ самой себя. И поелику Павлинъ не можешъ бышь мнѣ супругомъ, шо никшо, никшо другой въ подсолнечной не получишъ моей ру-

руки! Я нашла средство: естьли оно превышаетъ силы человѣческія, то достойно Пульхеріи.

Сія великая дѣвица, съ толикимъ рвеніемъ желающая восторжествовать надъ собою, наконецъ рѣшится. — Поспѣшно идетъ къ своимъ сестрамъ, коихъ ея смущеніе и неожидаемой приходъ приводитъ въ изумленіе. Сестрицы! послѣдуйте за мною; пойдемъ въ церковь Апостоловъ; тамъ предъ олтаремъ въ присудствіи Царя Царей я хочу вамъ открыть одно намѣреніе, которое всѣ три мы постараемся на самомъ дѣлѣ исполнить. Благородное ваше чувствованіе въ этомъ твердо увѣряетъ меня. Подите со мною, (Аркадія и Марина требуютъ на сіе объясненія) я васъ увѣряю, вы все узнаете, но только не въ другомъ какомъ мѣстѣ, а въ этомъ одномъ храмѣ должна я удовлетворить вашему любопытству. — Пойдемъ!

Три Августѣйшія сестры приходятъ въ церковь. — Аркадія и Марина видятъ жертвенникъ, великолѣпно украшенный драгоцѣнными каменьями: онѣ

онѣ поражаются симъ необычайнымъ зрѣлищемъ; — вырѣзанная надпись показывала, что Пульхерія рѣшилась торжественно принесть жертву. — Сестрицы! (громогласно рекла она) видите монументъ священнаго залога, которой теперь хочу дать. Служители превѣчнаго, внемлющаго нашимъ словамъ, будьте свидѣтелями моихъ клятвъ. Сему, сему верховному супругу сочетаваюсь на всегда, и даю въ этомъ вѣчный и никогда непремѣняемый обѣтъ.... Сестрицы послѣдуйте мнѣ; пожертвуемъ своею жизнію Религіи и благосостоянію Ѳеодосіева царствованія.

Аркадія и Марина, будучи убѣждены столь великимъ примѣромъ, повергаются ницъ и священное покрывало возлагаютъ на главы свои. Когда онѣ кончили сей священный обрядъ, Пульхерія рекла такъ: теперь небо вліяло въ насъ новыя души, непричастныя земному суемыслію; да вѣчно соединяетъ насъ любовь къ добродѣтели, жаръ

свя-

священной ревности и чистая привязанность къ Государю и подданнымъ его.

Съ сего времени, казалось, Пульхерія облеклась въ Божественное существо Нѣкоторое небесное сіяніе блистало на ея лицѣ.

Возвратившись въ чертоги повелѣваетъ сыскать Павлина. — Онъ приходитъ, цѣпенѣетъ отъ ужаса при возрѣніи на печальное покрывало. Что я вижу, Государыня? Сіе покрывало.. — Я исполнила данное тебѣ обѣщаніе, и избрала такого супруга, коему ты безъ ропотанія долженъ уступить; такой совмѣстникъ долженъ вселить въ тебя не ревность, но почтеніе. — Павлинъ! священнодѣйствіе кончилось. Оно ясно показываетъ тебѣ, какимъ закономъ я обязалась. Павлинъ!.. все свершилось. Станемъ думать о Θеодосіи, постараемся его сдѣлать достойнымъ престола; сыщемъ ему такую супругу, которая бы заслуживала носить имя Императрицы, да будетъ сіе единственнымъ нашимъ предметомъ! — Уже ничѣмъ другимъ не станетъ заниматься Пульхерія.

Мла-

Младый Царедворецъ приходитъ въ замѣшательство, поражаетъ его великость Пульхеріиной души. Любовь его, принужденная пожертвовать собою, перемѣняется въ кроткое благочестіе; смертная возбуждаетъ въ немъ такое благоговѣніе, какое прилично чувствовать къ единому Божеству; наконецъ, сколько возможно, тщится подражать высокимъ добродѣтелямъ Пульхеріи, посвятившей всю свою жизнь Религіи, благотворенію и попеченію о государственныхъ дѣлахъ.

Ѳеодосій подъ управленіемъ своей сестры (*) напоеваемъ былъ такими нача-

(*) Ѳеодосій подъ управленіемъ своей сестры и проч. Всякой легко разсудить можетъ, что здѣсь представлена не вымышленная картина. Вотъ, что говоритъ ле Бо: Пульхерія отъ Ѳеодосія сперва удалила Евнуха Антіоха, бывшаго главнымъ его учителемъ, и занимавшагося болѣе придворными ухищреніями и собственными выгодами, нежели наставленіемъ юнаго Государя. Она, не осмѣливаясь никому поручить сей важной должности, сама на себя овую возложила, и вопервыхъ посред-

началами, кои составляютъ основанiе благаго воспитанiя, и коихъ самая на-

глость

средствомъ чистѣйшаго ученiя вкоренила въ сердце брата своего непоколебимое благочестiе. Вѣдая, сколь пороки противны съ Христiанскими добродѣтелями, старалась образовать нравы его и внушить любовь къ правосудiю, милосердiе и удаленiе отъ забавъ; для изощренiяжъ разума его призвала себѣ на помощь искуснѣйшихъ во всѣхъ наукахъ мужей, и избрала ему сотоварищей, кои бы учась вмѣстѣ возбуждали въ немъ благородную ребность къ ученiю. — Это были Павлинъ и Плацитъ, напослѣдокъ достигшiе первыхъ достоинствъ. Мудрая сiя попечительница не оставила въ небреженiи и наружныхъ качествъ юнаго Государя; она заставляла его упражняться во всѣхъ тѣлесныхъ экзерцицiяхъ, приличныхъ возрасту его, и старалась всю грубость истребить въ его рѣчахъ, осанкѣ и обхожденiи, научила искусству прiумножать цѣну благодѣянiямъ и отказъ не дѣлать огорчительнымъ и проч. Сего самаго Антiоха, которой въ Западной Исторiи описанъ хитрымъ и корыстолюбивымъ человѣкомъ, Демолетъ называетъ мужемъ отличной честности. Такъ-то порочатъ Исторiю безъ всякаго изслѣдованiя, а только слѣдуя тѣмъ, кои прежде насъ врали.

глость страстей не можетЪ поколебать. Пульхерія своимЪ примѣромЪ и разговорами внушала ему любовь кЪ правосудію, милосердіе, сію первую добродѣтель МонарховЪ, и особливо отвращеніе отЪ забавЪ; ибо и самыя мало предосудительныя изЪ нихЪ, естьли не развращаютЪ нравовЪ, то всегда влекутЪ за собою нѣгу, которая столь бизка кЪ пороку. Учители Ѳеодосіевы были разумные и опытные люди. ПавлинЪ воспламенялЪ вЪ юномЪ сердцѣ его благородную ревность кЪ славѣ, сію добродѣтель, столь нужную для возбужденія дѣятельности вЪ духѣ. — Пульхерія старалась образовать и самый наружный характерЪ брата своего; ибо увѣрена была, что все замѣчаютЪ вЪ Государѣ, что долженЪ онЪ знать, какЪ показаться своему народу, какую наблюдать осанку, какЪ обходиться: словомЪ, превосходныя качества души должны обнаруживаться благопристойными тѣлодвиженіями. Ѳеодосій сЪ отмѣннымЪ искусствомЪ умѣлЪ ѣздить верхомЪ,

 стрѣ-

стрѣлять изъ лука и метать копье, а болѣе всего мудрою своею сестрою научаемъ былъ знанію Государей, — искусству съ разсудкомъ изливать благодѣянія. Императоръ умѣлъ и отказывать и награждать: въ отказѣ его ничего не заключалось жестокаго и поразительнаго. Благочестіе его сопряжено было съ скромностію и добротою сердца. Никогда не предавался онъ сильнымъ движеніямъ гнѣва, унижающимъ человѣка. Необходимость наказанія почиталъ онъ сколько важною, столько и непріятною должностію верховной власти. Не труно, говаривалъ онъ, человѣка лишить жизни; но лишивши оной уже поздо въ томъ раскаиваться. Ѳеодосій запретилъ казнить смертію своихъ оскорбителей, охуждалъ гоненія, слѣпою ревностію возбуждаемыя противу Еретиковъ, и говорилъ, что оружія Религіи суть любовь и сострадание. Сей Государь совершенное отвращеніе чувствовалъ къ безчеловѣчнымъ позорищамъ (*), столь

(*) Къ безчеловѣчнымъ позорищамъ. Какъ можно такой народъ, которой всѣхъ прочихъ

столь долго служившимъ забавою такому народу, коего нѣкоторые писа-

чихъ обитателей земнаго шара называлъ варварами, которой хотѣлъ давать наставленїя цѣлому свѣту и заставлялъ признавать себя господствующимъ народомъ; какъ можно представить себѣ съ бѣшенствомъ рыщущимъ, насыщающимъ жадные свои очи такимъ зрѣлищемъ, гдѣ лїются источники крови, гдѣ бьются отторженные отъ тѣла члены, гдѣ изъ растерзанной внутренности изходящїе пары въ видѣ густаго дыма поднимаются на воздухъ, гдѣ картина смерти во всемъ своемъ ужасѣ поражаетъ взоры. При всемъ томъ въ самыя златыя, въ самыя просвѣщенныя времена Римскїе граждане занимались сими страшными предметами, даже и Вестальскїя Жрицы занимали въ Амфитеатрѣ особенныя мѣста, и имѣли власть располагать сими нещастными жертвами общаго варварства, коихъ заставляли сражаться съ свирѣпыми звѣрями, или драться съ подобными себѣ. Весьма странна и досадна несообразность духа человѣческаго, которая ясно доказываетъ, что сей столь кичливый разумъ подобенъ маленькой частицѣ золота, въ коемъ много примѣсу. Христїанская Религїя истребила сїи Амфитеатры, и это можно почесть за немалое благодѣянїе ея.

тели представляютъ намъ примѣромъ чувствительности. Однажды, во время звѣриной травли, народъ съ великимъ крикомъ требовалъ, чтобъ сыскали одного славнаго по своей силѣ и проворству борца, которой бы сразился съ лютѣйшимъ звѣремъ. Императоръ со гнѣвомъ всталъ съ своего мѣста: „Развѣ вы не знаете, сказалъ онъ громогласно, что я не люблю забавляться такимъ безчеловѣчнымъ зрѣлищемъ, гдѣ лiется кровь подобныхъ намъ„? — Малѣйшiе поступки весьма важны въ такой особѣ, которая другими повелѣваетъ. Өеодосiй столь былъ человѣколюбивъ, что, находя удовольствiе нѣсколько ночныхъ часовъ проводить за книгами, засвѣчалъ не свѣчу, а ночникъ, дабы не помѣшать спать своимъ придворнымъ. Досадно, что слабость, столь непростительной въ Государѣ порокъ, перемѣнила напослѣдокъ въ немъ нѣкоторыя похвальныя качества.

Таковъ-то былъ обладатель Востока, коему сестра старалась избрать

су-

супругу, достойную вмѣстѣ раздѣлять съ нимъ тронъ. — Императору наступилъ двадцатой годъ, и онъ убѣдительно просилъ Пульхерію, чтобъ она нашла ему вѣрнѣйшую помощницу. — Я не буду смотрѣть на блескъ знатной породы; красота, сопряженная съ добродѣтелію, ограничитъ мой выборъ. Императоръ можетъ сдѣлать того знаменитымъ, кто къ нему приближенъ.

Пульхерія собрала къ себѣ многихъ дѣвицъ, отличныхъ по красотѣ, роду и добродѣтелямъ. Никто не могъ видѣть ихъ: ибо онѣ заключены были внутри дворца, гдѣ воспитывались наилучшимъ образомъ, и болѣе всего замѣчаемы были во нравахъ. Легко можно понять намѣреніе Пульхеріи; и сіи младыя воспитанницы не имѣли ни малаго въ ономъ подозрѣнія. Императору по какому-то особенному случаю удалось ихъ видѣть, но сестра его обманулась въ своей надеждѣ. Ни одна изъ сихъ красавицъ не плѣнила Θеодосія; онъ смотрѣлъ на все съ пасмурнымъ хладно-

 кро-

кровіемѣ, которое едва, едва не превратилось вѣ уныніе. Павлинѣ, навсегда преданный Пульхеріи, старался помочь ей вѣ такомѣ случаѣ. Онѣ ѣздилѣ по различнымѣ Греческимѣ провинціямѣ, но возвратился безѣ всякаго успѣха. Неусыпное попеченіе о Ѳеодосіевомѣ бракѣ не препятствовало мудрой Пульхеріи заниматься дѣлами, касающимися до государственнаго правленія. Варанѣ, отвергшій (*) политическія правила отца своего Издегерда, искалѣ случая прервать мирные договоры сѣ Грецію. Онѣ вызвалѣ оттуда всѣхѣ своихѣ Резидентовѣ,

(*) Христіане, находившіеся во владѣніяхѣ сего жестокосердаго Государя, были гонимы, и потому-то бѣгали отѣ него и поселялись вѣ земляхѣ, Греціи принадлежащихѣ. Варанѣ чрезѣ своихѣ Пословѣ сѣ гордостію назадѣ требовалѣ своихѣ подданныхѣ. Императорѣ при семѣ случаѣ показалѣ благородную твердость, и отвѣчалѣ, что онѣ ихѣ никакѣ не отдастѣ, и пусть Шахѣ Персидскій самѣ придетѣ кѣ нему исторгнуть ихѣ изѣ его объятій. А сіе самое и произвело кровопролитную войну. Варанѣ былѣ побѣжденѣ и принужденѣ просить мира.

товѣ, и съ неслыханнымъ варварствомъ началъ гнать Христіанъ, чрезъ что обьявилъ себя явнымъ врагомъ такой державѣ, которая была главнѣйшею подпорою Христіанства. Возгараетъ война. Пульхерія удаляясь самолюбія, не устыдилась въ такихъ обстоятельствахъ прибѣгнуть къ просвѣщенію и совѣтамъ мудраго Анѳимія (*). Сей старый Министръ добро-

(*) Анѳимія. Сей почтенной человѣкъ, коего не должно смѣшивать съ Руфинномъ, Олимпіемъ и Эвтропіемъ, занималъ первое достоинство въ началѣ Ѳеодосіева царствованія. Онъ умѣлъ благоразуміемъ своимъ оборонять юность своего Государя отъ бунтовъ и нападеній, почти всегда противу оныя востающихъ: и былъ начальникомъ Императорской Восточной стражи, и умѣлъ содержать въ надлежащихъ предѣлахъ подданныхъ и непріятелей; но (правильно замѣчаетъ историкъ) не могъ прекратить придворныхъ злоухищреній, и укротить наглости Евнуховъ, во зло употреблявшихъ незрѣлость своего Государя, коего иногда лестію доводили до того, что онъ издавалъ повелѣнія, сообразныя съ ихъ прихотями. Сему-то Анѳимію Имперія обязана миромъ, заключеннымъ

добровольно отказался отъ своей должности. Онъ съ такоюжъ жадностію искалъ

нымъ съ Издегердомъ, Царемъ Персидскимъ. — Сей прозорливой Министръ, не привязанный ни къ тщеславію, ни къ корыстолюбію, но полагавшій всю свою гордость въ дѣланіи добра своему отечеству, въ совѣтъ избиралъ людей опытныхъ и просвѣщенныхъ. Не бывши воиномъ, умѣлъ приводить въ движеніе всѣ военныя пружины, старался съ осторожностію истреблять роскошь, сію язву, снѣдавшую двѣ благоучрежденныя Имперіи. Зналъ, какъ пособлять чрезвычайному недостатку, сему одному изъ тѣхъ наказаній, коимъ Востокъ столь часто подвергаемъ былъ. Онъ опредѣлилъ знатную сумму на содержаніе казеннаго магазина, изъ коего приказалъ продавать хлѣбъ по весьма сходной цѣнѣ. Не извѣстно никому, по какой причинѣ сей великій человѣкъ удалился отъ двора; безъ сумнѣнія ему наскучила придворная жизнь. Какъ бы то ни было, Пульхерія собою замѣнила сего Министра. Анѳимій по удаленіи своемъ жилъ въ такой неизвѣстности, что послѣ 414 году Апрѣля мѣсяца исторія не говоритъ ничего объ немъ. Мы должны сказать въ честь памяти его, что онъ похваляемъ былъ и Свят. Златоустомъ, коего грѣшно подозрѣвать въ ласкательствѣ.

искалъ спокойной и уединенной жизни; съ какою другіе ищутъ честей, и жилъ по философски не далеко отъ Константинополя, въ деревнѣ, коея простота соотвѣтствовала добротѣ души его. Онъ часто говаривалъ своимъ друзьямъ: „Я началъ беззаботно жить только съ того времени, какъ удалился отъ двора; здѣсь свободно дышу, но тамъ многое стѣсняло грудь мою. Трудно сыскать спокойствія въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно иногда сдѣлаться жертвою обмановъ, гдѣ не всегда любятъ истину, гдѣ не можно сыскать истиннаго друга, гдѣ неблагодарность доведена до самой высочайшей степени. Я нашелъ природу въ семъ убѣжищѣ, и ничто, кромѣ сей природы и всего принадлежащаго ей, не можетъ сдѣлать человѣка щасливымъ и доставить ему хотя слабую тѣнь того благополучія, коего позволено намъ желать и достигать. Сколькобъ я былъ щастливъ, естьлибъ послѣдніе дни старости своея съ миромъ провелъ подъ сими тѣнями; естьлибъ сіи малые луга, мнѣ принад-

лежащіе и удовлетворяющіе всѣмъ моимъ желаніямъ, приняли въ нѣдра свои сіе бренное мое тѣло.

Пульхеріины Посланники прибыли къ Анѳимію. — Онъ рекъ имъ: со всею охотою повинуюсь моей Государынѣ; надобно умѣть пожертвовать собою любезному отечеству. Это должно быть главнымъ чувствованіемъ и обязательствомъ каждаго гражданина. Онъ, по приказанію Пульхеріи, съ поспѣшностію летитъ къ ней. — Вы повелѣли, Государыня, — ваша воля всегда пребудетъ для меня священна. Можетъ ли Анѳимій вамъ и Государству еще быть въ чемъ нибудь полезенъ? — Анѳимій, (отвѣтствуетъ Ѳеодосіева сестра), это кажется ни мало не унижаетъ моей чести, что я призываю себѣ на помощь твою опытность и твои совѣты, — я вмѣню себѣ за славу онымъ слѣдовать. Дѣло идетъ о пользѣ цѣлаго Востока. Займемся симъ столь важнымъ предметомъ; — я охотно соглашусь на твои мнѣнія.

Та-

Такимъ-то образомъ мудрая дѣва управляла Государствомъ; ей не извѣстна была другая гордость, кромѣ той, чтобъ споспѣшествовать славѣ и благополучію Государя и его подданныхъ. — Она совершенно положилась на Анѳиміевы совѣты; всѣ въ точности исполняли распоряженія его, касающіяся до войны, которую по необходимости обьявили Персамъ. Онъ самъ выбралъ Генераловъ. — Непріятели проигрываютъ знатную баталію; объ этомъ въ Константинополѣ чрезъ три дни получается радостное извѣстіе; сей проигрышъ со стороны Персіанъ не привелъ въ уныніе мужественнаго Варана. — Онъ еще покусился вступить въ сраженіе; но былъ совершенно побѣжденъ, и принужденъ просить постыднаго для себя мира, на которой Греція изъ великодушія и согласилась. Можно признательно сказать, что Имперія сими въ оружіи успѣхами одолжена мудрому Министру, споспѣшествовавшему ей своими совѣтами, и Пульхеріи, искавшей сихъ совѣтовъ.

Какъ изумилась Принцесса, когда Анөимій пришелъ къ ней просить позволенія удалиться въ свою деревню! — Государыня! теперь надѣюсь, что я исполнилъ ваши повелѣнія, и такъ позвольте мнѣ, мнѣ, которой уже безполезенъ своему Государю и достойнѣйшей его сестрѣ, возвратиться въ свою уединенную хижину: кажется я заслуживаю отъ васъ такую милость. — Пульхерія желаетъ перемѣнить намѣреніе его; покушается ослѣпить его лестными предложеніями. Милостивѣйшая Государыня! я теперь въ такихъ лѣтахъ, въ кои всякому дорога и мила спокойная жизнь, такъ не уже ли лишите меня сладчайшаго удовольствія располагать по своей волѣ остаткомъ дней моихъ, кои даруетъ мнѣ благость Божія? Не чувствуете ли вы огорченій, сопряженныхъ съ сими важными должностями, коимъ нечувствительной простолюдимъ столь глупо завидуетъ? При сихъ словахъ Пульхерія испускаетъ тяжкій вздохъ. — Министръ съ большимъ жаромъ, съ боль-

большимъ усиліемъ проситъ себѣ увольненія, нежели съ какимъ просятъ подобные ему о томъ, чтобъ ихъ опять приняли ко двору. — Онъ наконецъ выѣхалъ изъ Константинополя осыпаемъ благословеніями народа, и въ своей деревнѣ столь уединенно прожилъ, что Исторія совсѣмъ умалчиваетъ о послѣднихъ лѣтахъ жизни его. Ахъ! (сказала Пульхерія по отъѣздѣ Анѳиміевомъ) сколь онъ щастливъ! сколь просвѣщенъ святою истинною! Не могу ли и я, по его примѣру, отказаться отъ свѣта, отъ величества, отъ неблагодарныхъ, отъ тѣхъ должностей, кои должно мнѣ исполнять! Но братъ мой, — но цѣлая Имперія требуютъ, чтобъ я пожертвовала имъ своимъ покоемъ, всѣми своими прохладными часами и цѣлою жизнію. Не взирая на могущество мое, сколько встрѣчается затрудненій, кои обременяютъ и терзаютъ мое сердце! Я не могу доставить Императору того, что безъ всякаго труда получаетъ послѣдній рабъ, — не могу сыскать супруги, достойной

сердца и трона его! Всѣ Павлиновы старанія тщетны, и Θеодосій... чувствуетъ необходимость любить и любиму быть. Безъ сомнѣнія это можно почесть наижесточайшимъ мученіемъ!.. Какъ только приведу себѣ на память... слезы быстро катятся изъ глазъ моихъ!.. Но забуду ли, что я живу не для себя... что всю себя посвятила пользѣ любезнаго моего отечества .. Пульхерія! думай объ одномъ Θеодосіи, живи для него, для цѣлаго Государства; усугубь свои старанія въ исканіи оной предопредѣленной супруги, которая должна почтена быть именемъ Императрицы.

Между симъ докладываютъ Пульхеріи, что одна молодая Гречанка желаетъ предстать предъ нея съ прозьбою. Приведите ее немедленно (сказала Принцесса); это первая моя должность, чтобъ покровительствовать нещастнымъ и осушать ихъ слезы. Для чего небо помѣстило меня на столь высокой степени, какъ не для защищенія нещастныхъ? — Пусть она войдетъ.

Се-

Сестра Θеодосіева приходитъ въ недоумѣніе при воззрѣніи на такую красоту, которую безъ излишнихъ похвалъ, можно назвать вмѣстилищемъ всѣхъ пріятностей. Я употреблю здѣсь выраженія одного стихотворца: пусть всякой живо представитъ себѣ дѣвическую непорочность, невинность во всей своей благородной стыдливости, пріятной румянецъ, подобный розѣ, едва, едва начинающей распускаться, смѣшанный съ бѣлизною, ослѣпляющею самыя лилеи; нѣжныя черты, — совершенно овальное лице, — сіи совершенства, коими природа надѣлила климатъ одной Греціи; большіе черные глаза, наполненные огнемъ, смѣшаннымъ съ томностію, столько всѣмъ любезною, трогательною и очаровательною; круглую алебастровую шею съ распущенными по ней бѣлокурыми волосами, величественную и стройную талію, гибкую, наподобіе молодой пальмы, пріятность, разлившуюся по всему лицу; пусть, говорю, всякой представитъ все сіе: то и тогда будетъ имѣть слабое

 и

и темное понятіе о молодой красавицѣ, повергшейся къ Пульхеріинымъ стопамъ! Какое благородство, какая скромность во всей ея осанкѣ! Немолодая женщина сопровождала ее. — Сіе возлюбленное твореніе природы отверзаетъ уста свои, звукъ нѣжнаго и гармоническаго голоса ея влечетъ слухъ ко вниманію. — Милостивѣйшая Государыня! я теперь повергласъ къ стопамъ подобія самаго Божества; сердечно сожалѣю, что принуждена вамъ приносить жалобу на собственную свою кровь: мои братья.... Она не можетъ далѣе говорить... страшится обвинять такихъ особъ, кои еще любезны ей, и по добродушію своему старается скрыть свои жалобы; слезы покатились изъ глазъ ея и придали большее сіяніе красотѣ ея. Почтенная женщина, стоявшая подлѣ нее, начинаетъ говорить: — Милостивая Государыня! моя нещастная племянница не смѣетъ открыть вамъ, что два родные брата суть виновниками мученій ея. — Жестокіе! они безъ всякаго сожалѣнія лишили ее наслѣдства, вытна-

гнали изъ отеческаго дому.... Красавица прерываетъ слова ее съ тономъ, исполненнымъ человѣколюбія и пріятности: ахъ! я увѣрена, что они раскаиваются въ своемъ поступкѣ, — не можетъ природа.... Тщетно извиняешь ихъ, возразила тетка. — Пусть Государыня разсудитъ наше дѣло, и мы съ благоговѣніемъ примемъ ея рѣшеніе.

Пульхерія, приведенная въ изумленіе, спѣшитъ поднять прекрасную Гречанку; — повергаются на колѣна предъ однимъ Богомъ; вы возбуждаете во мнѣ сожалѣніе, я съ нетерпѣливостію желаю оказать вамъ должную справедливость; — говорите смѣло, и надѣйтесь въ томъ, что найдете во мнѣ свою покровительницу. — Какъ она прелестна, говорила сама въ себѣ Принцесса, конечно нашла я Императрицу.

Сестра Ѳеодосіева обо всемъ подробно распрашиваетъ у немолодой женщины, и услышавъ, что Аѳинаида (такъ называлась молодая Гречанка) язычница, сказала съ удивленіемъ:

 Какъ?

Какъ? ты не Христіанка? съ такою красотою, съ такими пріятностями, съ такимъ разумомъ! — Тетка съ племянницею замѣчаютъ, что какое-то незапное смущеніе объяло Пульхерію; но она умѣла его преодолѣть, и отпустила ихъ, обѣщаясь разсмотрѣть дѣло и вскорости потребовать къ себѣ.

Лишь только вышли онѣ изъ чертоговъ, — Пульхерія, тяжко воздохнувши, сказала: о небо! какъ попускаешь прекраснѣйшему своему творенію обезображиваему быть гнуснымъ язычествомъ? Ни въ комъ нѣтъ болѣе такихъ очаровательныхъ совершенствъ. Какіе взоры! какая скромность! какія пріятности! какое сильное выраженіе чувствительности! Я не сомнѣваюсь, не сомнѣваюсь въ томъ, чтобъ съ такою красотою не была неразлучно сопряжена и добродѣтель; — какъ живо изображается чистота души на всѣхъ чертахъ ея, какъ ей страшно казалось обвинять своихъ братьевъ! Аѳинаида! тебѣ только остается сдѣлаться Христіанкою, чтобъ быть совершеннымъ тво-

твореніемъ Божескихъ рукъ. Всевышній, еще при рожденіи твоемъ, предопредѣлилъ тебѣ царствовать. Христіанская Религія еще болѣе украситъ тебя: она чистѣйшими содѣлаетъ твои превосходныя качества, кои надѣюсь въ тебѣ сыскать. Великій Боже! я избрала ее, — взирала на нее, какъ на твое благодѣяніе.... и — она не Христіанка! Ктожъ еще другой на землѣ лучше ея можетъ понимать и чувствовать всѣ истинны святѣйшей нашей вѣры?

Ѳеодосій, для разсѣянія своей скуки, ѣздилъ на охоту; ему уже несноснымъ казалось величество или потому, что оно сопряжено съ великими огорченіями и безпрерывными трудами; либо по причинѣ свойственной лѣтамъ его чувствительности и нѣжности, которая побуждала его искать любезнаго себѣ предмета. Сколь многіе Владыки земные, сколь многіе Государи испытали на самихъ себѣ, что все сіяніе величества ихъ не можетъ сравниться ни съ одною сердечною радостію! и кто можетъ доставить имъ оную утѣ-

ху, столь необходимую для блага нашего бытія, какъ не нѣжность, какъ не наслажденіе чистѣйшія любви? Лишеніе онаго нерѣдко беспокоитъ и снѣдаетъ печалію сердца Монарховъ на самомъ тронѣ; и низкой человѣкъ, которой любитъ и самъ любимъ, несравненно благополучнѣе всѣхъ сихъ блистательныхъ жертвъ громкія славы!

Императоръ оставляетъ своихъ придворныхъ, удаляется въ пустыню, коея печальный видъ соотвѣтствовалъ меланхолическимъ мыслямъ его. Дикое мѣстоположеніе, утѣсистые скалы и тѣнистые кипарисы, всюду тамъ растущіе, возбуждали любопытство въ Ѳеодосіи. Онъ пробирается во внутренность пустыни, усматриваетъ вдали стоящую низкую хижину, идетъ туда, и находитъ въ семъ безмолвномъ убѣжищѣ одного изъ сихъ славныхъ Христіанскихъ Философовъ, (*) коихъ Востокъ чтитъ подъ

(*) Одного изъ сихъ Христ. и проч. Сей Анекдотъ справедливой и находится въ Исторіи; я здѣсь предлагаю копію онаго.

Идеи

подЪ именемЪ пустынниковЪ и отшельниковЪ. Сей почтенный старецЪ пришелЪ

Идеи Стоицизма примѣшались кЪ идеямЪ Христіанства и вЪ пылкихЪ АзіатскихЪ умахЪ шакЪ разгорячилось воображеніе, что почтенные пустынники сЪ неслыханнымЪ энтузіазмомЪ умерщвляли свои страсти и проливали слезы покаянія. Пусть всякой приведетЪ себѣ на мысль послѣдователей Симеона Столпника, Антонія, Пахомія и другихЪ. Есть также и вЪ Индіи сіи самопроизвольные мученики, кои вЪ теченіе своей жизни, иногда и долговременныя, подвергаются невѣроятнымЪ мукамЪ. Конечно, ихЪ побужденія не очищены такою Религіею, какова наша. Сумозбродныя суевѣрія ФакировЪ, СантоновЪ и проч. происходятЪ отЪ одной нелѣпой и неизвинительной гордости, или отЪ скотскаго безумія. Сколь различны отЪ нихЪ благочестивые отшельники, ХристіанствомЪ возрожденные! Сіи столпы вѣры дѣлали великія услуги роду человѣческому; они показывали святую истинну такимЪ людямЪ, отЪ коихЪ, кажется, самая судьба навсегда сокрыла оную, и нѣкоторымЪ образомЪ ходатайствовали за страждущее человѣчество, у коего столь мало защитниковЪ; они не одинЪ разЪ обезоруживали страшныхЪ чу-

шелъ изъ Египта и поселился не подалеку отъ Константинополя; — онъ принимаетъ Императора за простаго придворнаго, заставляетъ его вмѣстѣ съ собою пролить теплыя молитвы предъ Отцемъ человѣковъ. — По томъ они оба садятся.

Θеодосій долго любовался, смотря на простоту какъ хижинки, такъ и хозяина ея, по томъ вступилъ съ пустынникомъ въ разговоръ, и спрашивалъ, что дѣлаютъ Египетскіе монахи. Они молятся за нещастныхъ смертныхъ; — просятъ небо, да просвѣтитъ очи слѣпыхъ, — стремящихся добровољ-

чудовищъ, алчущихъ крови подобныхъ себѣ. По справедливости языческіе Философы не произвели такихъ похвальныхъ дѣяній и въ самое то время, когда Философія состояла въ дѣятельности, а не въ метафизическихъ и мечтательныхъ снахъ. Пустынникъ, о коемъ у насъ рѣчь идетъ, узнавъ въ посѣтителѣ своемъ Императора, немедленно оставилъ свою хижину и ушелъ въ Египетъ, опасаясь, чтобъ сіе приключеніе не привело его у другихъ въ уваженіе. Мало подражателей такимъ Философамъ!

вольно къ своей погибели и сдѣлавшихся игралищами пустыхъ удовольствій, ложнаго величества и необузданныхъ страстей, всегда влекущихъ за собою наказаніе! Увы! они издыхаютъ, они умираютъ, никогда не живши! Въ одномъ гробѣ исчезаютъ всѣ ихъ мечты, и тогда-то они пробуждаются; но поздо! Естьлибъ были на свѣтѣ истинные люди, то былибъ и ревностные Христіане. Предметъ нашея Религіи есть благотвореніе, и Божественный основатель оныя первый подалъ въ томъ примѣръ.

Монархъ съ удовольствіемъ выслушалъ пустынника; по томъ обратилъ взоры свои на корзинку, стоявшую въ углу; онъ спросилъ, что въ ней; — въ ней моя пища, поддерживающая мою жизнь, кою провожу безъ угрызенія, безъ печали, и окончу безъ сожалѣнія! По семъ тотчасъ предлагаетъ Императору укрухъ хлѣба и полной сосудъ чистой воды, и проситъ его раздѣлить вмѣстѣ съ собою сей столь роскошный обѣдъ.

обѣдъ. — Все наилучшее кушанье, коимъ могу я васъ угостить, состоитъ въ финикахъ. Хотябъ вы были самый Императоръ, то и тогда бы не могъ я васъ лучше принять. Государь усмѣхнулся, склонился на его прозьбу, и сказалъ съ сердечнымъ чувствованіемъ: этотъ обѣдъ лучше всѣхъ моихъ пышныхъ столовъ: отецъ мой! повѣрь въ томъ признательному Ѳеодосію! Какъ! вскричалъ съ изумленіемъ пустынникъ, это ты великій нашъ Самодержецъ? Я, — я, который по благости небесъ сижу на царскомъ тронѣ! -- Я не могу изъяснить того удовольствія, которое чувствую отъ твоихъ словъ; — почтенный старецъ, пролей къ Всевышнему теплыя молитвы, да ниспошлетъ на меня дары, нужные Монарху; да подкрѣпитъ мои силы въ ношеніи толикаго бремени! Отецъ мой! ты весьма благополученъ тѣмъ, что живешь удаленъ отъ свѣтскихъ суетъ! Истинное благополучіе не скрывается подъ царскою порфирою. Я еще не ложно повторяю тебѣ, что я ни въ чемъ не находилъ такого удо-

воль-

вольствія, какъ въ твоемъ хлѣбѣ и твоей водѣ.

Сіе приключеніе, необыкновенное для всякаго Государя, весьма пріятно показалось Θеодосію: слѣдующее еще болѣе тронуло его.

Сей Монархъ любилъ одинъ прогуливаться въ безмолвныхъ мѣстахъ, а особливо скрывалъ тотъ блескъ, по коему бы всякой могъ узнать его. На скатѣ одного холма примѣтилъ онъ пастуха съ женою и троими маленькими дѣтьми. Сей пастухъ былъ въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, радость блистала на челѣ его, загорѣвшемъ отъ солнца; на лицѣ милой подруги его такоежъ изображалось веселіе; она имѣла всѣ пріятности простой природы; маленькія дѣти играли съ отцемъ и матерью, и ихъ обнимали. Какое зрѣлище для чувствительной души! и въ Θеодосіи еще тогда не потухла сія чувствительность, — сія нѣжность, которую возрастъ и злоупотребленіе погашаютъ! Онъ подходитъ къ нимъ. — Друзья мои! кажется мнѣ, что вы до-

вольны своею участью? Конечно, сказалЪ пастухЪ, во всей Греціи нѣтЪ никого благополучнѣе меня! Вы это видите; вотЪ моя жена, вотЪ мои дѣти, кои мнѣ весьма милы и любезны, хотя все мое богатство состоитЪ вЪ небольшомЪ стадѣ; но слава Богу, я здоровЪ; мы сЪ женою работаемЪ, да и дѣти уже начинаютЪ намЪ помогать! Пусть хлѣбЪ, которой мы ѣдимЪ, иногда и бываетЪ омоченЪ потомЪ, но за то вкушаемЪ его сЪ чистою совѣстію! — КакЪ! и ты ничего болѣе не желаешъ? — Желать! и естьлибЪ взошелЪ я вЪ свое состояніе, естьлибЪ захотѣлЪ чего.... сЪ десятью литрами золота все бы сдѣлалЪ, чего мнѣ теперь ни хочется; построилЪ бы себѣ небольшой домикЪ, вЪ коемЪ бы можно было свободно помѣститься сЪ женою и дѣтьми, и купилЪ бы для пашни нѣсколько земли; естьлибЪ это удалось мнѣ сдѣлать, умерЪ бы я спокойно, увѣренЪ будучи, что бѣдное и дражайшее мое семейство не останется безЪ пропитанія; не дознаетели этого

на

на самомъ опытѣ? Другъ мой, отвѣчалъ Ѳеодосій, я ни супругомъ ни отцемъ еще не имѣлъ щастія быть; — я не женатъ! — Такъ по этому вы очень жалки! — Посмотрите на самаго Императора . . . Ахъ! не взирая на величество, я почитаю его самымъ нещастнымъ человѣкомъ; онъ также какъ и вы не имѣетъ супруги. — Ты правду говоришь, не завидуй ему. Ты плачешь! . . Плачь, другъ мой, Императоръ достоинъ твоего сожалѣнія. — Моего сожалѣнія! У него такоежъ нѣжное сердце, какъ и у насъ. Я каждой день, съ своею женою и дѣтьми, сердечно молю Бога, да ниспослетъ на него свое благословеніе! Нашъ Государь очень, очень добръ. Ахъ! скороль мы будемъ имѣть Императрицу, достойную его? Ѳеодосій старался удержать свои слезы, которыя быстро лились изъ очей его. — Другъ мой . . . другъ мой! . . . Императоръ любитъ такихъ честныхъ людей, какъ ты. И пока не окажетъ онъ тебѣ знаковъ своей чувствительности, прими отъ меня

ия 50 литръ . . . 50 Литръ, вскричалъ пастухъ! Любезная жена! милыя дѣти! повергнитесь къ стопамъ . . . — встаньте и любите меня.

Ѳеодосій немедленно пришелъ къ Пульхеріи; на челѣ его изображено было смущеніе, произведенное въ немъ сею сценою. Онъ разсказываетъ свое новое приключеніе, и присоединяетъ сіи слова: Ахъ любезная сестрица! не уже ли небо лишитъ меня того удовольствія, въ коемъ не отказало и пастуху? Я видѣлъ, — видѣлъ благополучіе супруга.... Принцесса прерываетъ рѣчь его. — Любезный братецъ! можетъ быть и ваши желанія скоро исполнятся. — Какъ?.. изъясните мнѣ... — я не могу.

Скоро ли... — ради Бога ... скажите... нашли ли вы... — Государь! позвольте объ этомъ помолчать и будьте въ надеждѣ, — больше ничего не скажу вамъ. — Любезная сестрица!... прошу васъ.. — Я вамъ сказала, не отчаявайтесь.

Пульхерія, не взирая на Ѳеодосіевы неотступныя прозьбы и нѣжнѣйшія ласки,

ски, не открываетъ тайны, и уходитъ не удовлетворивъ любопытству его. Она всегда поступала осторожно и благоразумно: молодая Гречанка погружена была во тьму идолопоклонства, и надлежало представить ее Императору совершенною Христіанкою; это было главнѣйшимъ предметомъ Пульхеріи; — она повелѣваетъ сыскать Аѳинаиду и привесть къ себѣ одну безъ тетки.

Аѳинаида является. — Подойди, подойди ко мнѣ, любезная красавица. Я приказала тебѣ притти одной: ибо хочу нѣчто важное открыть тебѣ. Аѳинаида! я въ разсужденіи тебя положила великія намѣренія, коихъ не можно тебѣ предвидѣть. — Милостивѣйшая Государыня! я одного правосудія у васъ прошу, моя бѣдность . . . — Ты будешь богата, будешь обладательницею великихъ сокровищъ . . . Аѳинаида! какъ ты съ сею рѣдкою красотою, которая и меня даже ослѣпила, съ сею душею, одаренною толикимъ разумомъ и возвышенною толикими познаніями, какъ

можешь привержена быть къ такимъ заблужденіямъ, коихъ обманъ не трудно опровергнуть и разрушить?

Пульхерія, будучи свѣдуща въ Священномъ Писаніи, подробно исчисляетъ въ долгомъ своемъ разговорѣ всѣ преимущества Христіанской вѣры предъ другими Религіями. Аѳинаида съ учтивостію отвѣтствуетъ, и представляетъ ей все то, что можетъ служить къ защищенію язычества. — Можетъ быть мнѣ и не устоять противъ тебя, сказала Ѳеодосіева сестра; ты болѣе меня занималась спорами; ты остроумна; но я защищаю справедливую сторону. — Аѳинаида! положись на меня, — я поручу тебя хорошему руководителю.

По ея приказанію немедленно приходитъ Офицеръ, коему она тайно вручаетъ повелѣніе, потомъ опять обращаетъ рѣчь къ Гречанкѣ: Аѳинаида! я не хочу скрывать отъ тебя намѣренія своего; мнѣ весьма желательно обратить тебя въ Христіанскую вѣру. Ты отвергнувшись ложныхъ Боговъ,

товъ, получишь блистательныя почести! . . . — Милостивая Государыня! полагаясь на ваши высокія добродѣтели, всему свѣту извѣстныя, осмѣливаюсь открыть вамъ сердечныя свои чувствованія; — подумайте, соглашусь ли я изъ щастія измѣнить своему сердцу, измѣнить Религіи отцевъ моихъ? — Нѣтъ, Аѳинаида! нѣтъ, я не хочу симъ способомъ просвѣтить очи твои святою истинною; такая хитрость не свойственна мнѣ; — не свойственна Религіи, мною исповѣдуемой; мнѣ желательно не обольстить, а убѣдить тебя. — Естьли ты захочешь остаться въ теперешнемъ своемъ заблужденіи: то я ни мало не нарушу правосудія при рѣшеніи твоего дѣла; въ этомъ подражаю покланяемому нами Богу; онъ правосуденъ и равно щедръ ко всѣмъ людямъ. Я обѣщаю тебѣ вѣчное и непоколебимое благополучіе; воспользуйся своимъ просвѣщеніемъ; оно откроетъ тебѣ великую тайну душевнаго безсмертія, коимъ наслаждаться ты достойна! . . . Не я, но дру-

другой, мудрѣйшій и болѣе меня проникающій во глубину Христіанскаго ученія, постарается наставить тебя. Я надѣюсь, что ты, въ угодность мнѣ, на это согласишся.

При сихъ словахъ почтенный Епископъ входитъ въ чертоги. — Гряди Аттикъ (*), сказала Принцесса, вотъ доро-

(*) Аттикъ и проч. Епископъ Константинопольскій. Это былъ (говоритъ отецъ Демолетъ) мудрый человѣкъ, уважаемый и самыми Еретиками, ни мало имъ не притѣсняемыми. Онъ сильно опровергалъ ихъ заблужденія, всегда притомъ поступая съ ними ласково. Ле Бо сегожъ самаго Епископа описываетъ столькожъ хитрымъ человѣкомъ, сколько казался онъ скромнымъ и ласковымъ. И будто онъ при нѣкоторыхъ благопріятныхъ ему обстоятельствахъ Императора, огорченнаго со стороны духовенства, принудилъ распространить права своей церкви. Надобно Исторію согласить съ истинною! Вотъ два писателя, совершенно между собою противные! Такъ-то мы должны полагаться на повѣствованія другихъ! Давно уже сказано, что Исторія въ Литтературѣ, есть часть, достойная занимать наши мысли и со-

дорогая сирота, которую тебѣ препоручаю: она принесетъ честь твоимъ наставленіямъ; желательно, чтобъ и тетка ея оными воспользовалась; онѣ будутъ твоими питомицами, и я препоручаю тебѣ ихъ, какъ бы собственныхъ моихъ дѣтей. Клянусь, Аѳинаида, что я первая буду въ томъ настоять, чтобъ ты, кромѣ Провидѣнія, никому другому не покорялась. Не поступай при семъ случаѣ изъ уваженія къ людямъ, изъ удовлетворенія моимъ желаніямъ; прошу тебя, положись на мое праводушіе.

Павлинъ, по неудачномъ своемъ путешествіи, съ смущеніемъ и отчаяніемъ явился къ Пульхеріи. Не печалься, сказала ему сія Принцесса, я нашла то, чего не удалось тебѣ сыскать.

Ж Она

составлять наше упражненіе. Но въ какомъ классѣ должно помѣстить худо писанные и безполезные романы, присвояющіе себѣ имя Исторіи? — безъ сомнѣнія въ послѣднемъ порядкѣ ученыхъ вракъ!

Она разсказываетъ ему о молодой Гречанкѣ; представляетъ препятствіе, задерживающее въ исполненіи намѣренія. — Надобно думать, говоритъ Павлинъ, что Аттикъ преодолѣетъ оное. Сія новость чрезвычайно восхищаетъ меня, и я принимаю наивеличайшее участіе въ ощущаемой вами радости. Осторожная Пульхерія приказываетъ Павлину эту тайну хранить въ глубокомъ молчаніи до тѣхъ поръ, пока можно будетъ открыть оную.

Аттикъ, спустя нѣсколько дней, возвѣщаетъ Принцессѣ, что онъ надѣется обратить Аѳинаиду: основательность ея мыслей непримѣтнымъ образомъ способствовала ей къ познанію языческихъ заблужденій.

Ѳеодосій впалъ въ уныніе, наводившее страхъ и безпокойство всей Имперіи; уже начали отчаяваться и въ жизни его. — Въ такомъ жалостномъ состояніи приходитъ онъ къ сестрѣ своей. — Любезный братецъ! истребите изъ сердца сію глубокую печаль; я вамъ обѣщалась; уже пора

от-

открыть вамъ, что ваше благополучіе совершается; до сихъ поръ я сама отчаявалась; но теперь надежда не обманываетъ.... Вы увидите рѣдкую красавицу.... Мнѣ хочется, чтобъ вы сами съ Павлиномъ посмотрѣли на нее и разсудили, естьли ей подобная! — Гдѣ она? кто скрываетъ отъ глазъ моихъ сей любезной предметъ?.... Не уже ли небо даруетъ мнѣ достойнѣйшую супругу?

Восхищенный Императоръ весьма желалъ видѣть сію прелестнѣйшую Грацію, на коей выборъ его долженствовалъ остановиться. Пульхерія то же повторяетъ ему, что сказывала и Павлину. Өеодосій мучится нетерпѣливостію. — Вы оба, говоритъ Принцесса, можете на нее посмотрѣть и послушать ея разговоровъ; но только съ тѣмъ, чтобъ она васъ не видала.

Государь соглашается на требованіе сестры своей; онъ бы не отвергнулъ и еще гораздо строжайшихъ условій. О! естьли бы она поскорѣе пришла, вскричалъ онъ! — о! когдабъ ее увидѣть! — Пульхерія объявила свою

волю, по оной исполняютъ. Ѳеодосій съ своимъ любимцемъ удаляется въ оное благопріятное мѣсто, откуда всѣхъ видѣлъ, самъ не видимъ будучи никѣмъ. Сто лампадъ освѣщали чертоги. Аѳинаида въ многочисленной придворной свитѣ никого не знала, кромѣ Принцессы, нѣкоторыхъ ея Фрейлинъ и Аттика.

Она приходитъ съ своею теткою. Никогда красота ея не была столько прелестна и очаровательна, какъ въ сіе время; ибо печальной видъ въ достойной обожанія женщинѣ первую составляетъ пріятность. Императоръ съ Павлиномъ поражается изумленіемъ. Какою стрѣлою уязвлено было сердце Государя! Это Божество, — Божество, которое во всемъ своемъ блескѣ предстало взору его; почтеніе, любовь и благоговѣніе заступили мѣсто удивленія. Сіе сильное впечатленіе, наподобіе пожирающаго пламени, разлилось по всѣмъ его чувствамъ.

Аѳинаида говоритъ, — Государь съ восхищеніемъ слушаетъ ее. Павлинъ! вотъ

вотъ Императрица! это сама любовь! Я не могу противустоять.

Θеодосій забываетъ свое обѣщаніе, данное сестрѣ; онъ идетъ повергнуться въ объятія нѣжной Аѳинянки; любимецъ всѣми силами старается удержать его. Гречанка продолжаетъ свой разговоръ; восторгъ Императора увеличивается; онъ не въ силахъ удержать онаго, — не слушаетъ Павлина; шествуетъ въ собраніе. Пульхерія слышитъ шерохъ, и подозрѣваетъ: она поспѣшно бѣжитъ къ своему брату, видитъ, что онъ съ нетерпѣливостію хочетъ открыться Аѳинаидѣ, проситъ его еще потерпѣть нѣсколько минутъ, и возвратившись немедленно отпускаетъ Аѳинаиду и ея тетку, обнадѣживая, что дѣло ихъ скоро кончится, и что получатъ онѣ особенные знаки ея благоволенія.

Еще не вышли онѣ изъ чертоговъ, какъ восхищенный Императоръ сказалъ: Востокъ теперь имѣетъ Императрицу! Она, — она будетъ моею супругою, — обладательницею моего сердца! Всѣ же-

желанія совершились! Какія прелести! какая скромность! какой очаровательной стыдъ! Не наслѣдственное имѣніе должно отдать ей, но мой тронъ! Она достойна владычествовать надъ цѣлою вселенною. — Но вы не спрашиваете, (прерываетъ Пульхерія) добродѣтельна ли она? — Ахъ! можетъ ли такая красота обезображена быть пороками; каждая черта живо изображаетъ чистоту души ея; это Ангелъ, снизшедшій на землю! — Безъ сомнѣнія она достойна васъ; я въ этомъ опытомъ увѣрилась! Аѳинаидины добродѣтели превышаютъ даже и самую красоту ея, ни малѣйшее развращеніе еще не прикасалось къ невинной душѣ ея; — вы будете первымъ предметомъ, на коемъ остановятся взоры ея; она съ своею теткою живетъ въ бѣднѣйшемъ состояніи. — Любезная сестрица! назначили ли вы день моего брака? Но что я сказалъ? Я хочу быть супругомъ ея! и почему знаю, что она меня любитъ? Сестрица! я не хочу въ такомъ случаѣ ничѣмъ обязанъ быть моему высо-

ко-

кому сану; не Императоръ, а Ѳеодосій постарается плѣнить Аѳинаиду. Что мнѣ въ ея рукѣ безъ любви? — И для чего вамъ не положиться на свои отличныя качества, коими природа съ избыткомъ наградила васъ? Не уже ли почитаете скипетръ нужнымъ для преклоненія сердецъ? Вашъ цвѣтущій возрастъ, ваши нѣжныя чувствованія, вашъ благородный жаръ, могутъ каждаго заставить любить васъ; но любезный братецъ! есть еще одно препятствіе, о коемъ я не открывала вамъ по той причинѣ, что надѣюсь преодолѣть оное. Препятствіе! вскричалъ Монархъ; какое? — Вы увидите: Аѳинаида вмѣщаетъ въ себѣ всѣ небесные дары, разумъ, пріятность, красоту, добродѣтель; но.. . — продолжайте, сестрица. . . оканчивайте. . . . — Ахъ, братецъ! . . . она не Христіанка. . . — Не Христіанка! Аѳинаида утопаетъ въ языческихъ заблужденіяхъ! И кто достойнѣе ея исповѣдывать нашу Религію? Аѳинаида язычница! о небо!

Сія новость, наподобіе громовой стрѣлы, поражаетъ Императора; онъ болѣе всѣхъ своихъ подданныхъ привержен былъ къ Религіи. — Что я услышалъ, сестрица! — Аѳинаида....мнѣ только остается умереть! Я не могу жить безъ Аѳинаиды! Ахъ! и мнѣ не льзя украсить чела ея Царскою діадимою! не льзя! Иначе оскорблю небо!

Ѳеодосій предается грусти; Пульхерія старается разсѣять оную, представляя, что Аѳинаиду наставляетъ Аттикъ; обнадеживаетъ, что она познаетъ свои заблужденія. — Государь! не отчаявайтесь въ сей лестной надеждѣ: я знаю, что сія милая красавица со вниманіемъ слушаетъ Епископскія наставленія, что собственной ея разумъ убѣждаетъ ее принять Христіанской законъ. Аѳинаида имѣетъ дарованія, свѣденіе о многомъ, просвѣщеніе, — средства, кои безъ сумнѣнія помогутъ убѣдить и преклонить ее на сіе столь желаемое обращеніе. И такъ положитесь на меня; вы можете понять, что сія щастливая перемѣна будетъ

детъ зависѣть отъ одного убѣжденія; я не стану прибѣгать къ подлымъ коварствамъ, кои постыдны для нашей Религіи; не хочу молодую Гречанку ослѣплять блескомъ ожидающаго ее величества. Она тогда уже узнаетъ о перемѣнѣ своего состоянія, когда озарится свѣтомъ истинны, когда приметъ нашу Религію.

Павлинъ одобряетъ восторгъ своего Государя; подтверждаетъ своими печальными взорами, обращаемыми на Пульхерію, что Аѳинаидѣ мало равныхъ въ красотѣ. Императоръ оставляетъ сестру свою, волнуется сильнымъ стремленіемъ любви и предается смущенію, — обыкновенному спутнику сильныхъ страстей.

Аѳинаида часто ходила къ Пульхеріи; разговоры ихъ всегда были объ одномъ предметѣ, которой занималъ всѣ Пульхеріины мысли, т. е. о перемѣнѣ вѣры, не такъ скоро происходившей. Эмина съ своей стороны старалась племянницу сдѣлать непоколебимою въ язычествѣ. Вы знаете меня, говорила

Аѳинаида: никакое блистательное щастіе не ослѣпитъ меня! Сталалибъ я колебаться, естьлибъ надлежало купить Пульхеріино покровительство и богатство цѣною смертнаго преступленія? Но я во всякое время пожертвую собою истиннѣ, и чистосердечно признаюсь, что Аттикъ начинаетъ меня преклонять на свою сторону, онъ говоритъ согласно съ моимъ разумомъ, разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія. Будьте увѣрены, что я ни на что другое не соглашусь, какъ только на одни мудрые совѣты; и естьли приму Христіанской законъ, то повѣрьте, что приму по убѣжденію.

Эмина и Аѳинаида жили въ предмѣстіи Константинополя; онѣ совершенно удалялись общества. Двое молодыхъ людей, изъ коихъ одинъ назывался Леономъ, а другой Евферіемъ, также наняли себѣ неподалеку отъ нихъ небольшей домикъ; они находятъ способный случай познакомиться съ сими двумя чужестранками; объявляютъ о себѣ, какъ о двухъ жертвахъ злой судьбы, соединившей ихъ тѣсною дружбою,

и сказывают, что пришли въ Константинополь съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ честнымъ образомъ извлечь себя изъ бѣднаго состоянія; а особливо Леонъ старался живо представить имъ картину своихъ нещастій; онъ говорилъ, что еще въ колыбели остался сиротою, что родственники разграбили все его имѣніе.

Сіе послѣднее обстоятельство тотчасъ возбудило въ Аѳинаидѣ чувствованіе благопріятное для Леона; она привыкла съ нимъ дѣлить время и при разлукѣ чувствовала въ себѣ какую-то тоску. Притомъ же красавицы не хладнокровны; — сколько бы пригожая женщина добродѣтельна ни была, однако она ощущаетъ нѣкоторое тайное удовольствіе, когда превозносятъ похвалами прелести ея; — и Леонъ молодой Гречанкѣ живо давалъ чувствовать, какую она получила власть надъ его сердцемъ. Онъ оказывалъ къ ней привязанность, смѣшанную съ почтеніемъ; опасался, чтобъ малѣйшимъ чѣмъ нибудь не оскорбить ее; — къ сей робости, которая

безъ

безъ сомнѣнія дѣлала его любезнымъ, присоединялъ пріятность, дарованія и благородную и трогательную физіогномію. Онъ, не осмѣливаясь открыться въ своей страсти, доволенъ былъ и тѣмъ, что каждой день своей любезной дарилъ пучекъ прекрасныхъ цвѣтовъ. Будучи искусенъ въ рисованіи, изображалъ на картинахъ мысли, взятыя изъ Аѳинаидиныхъ сочиненій, и сіе вниманіе чрезвычайно ей нравилось. Онъ говорилъ мало, а болѣе воздыхалъ; что чужестранка приписывала печальному положенію его.

Наконецъ сама Аѳинаида начала приходить въ задумчивость. Хотѣла ли она писать, но перо упадало изъ рукъ ея; принималась ли за книгу; но не знала, что читать; науки начали казаться ей скучными. Частое Леоново отсутствіе уже причиняло ей ужасное беспокойство, которое не безъ великаго труда могла она скрывать; при всемъ томъ ей извѣстна была причина отлучки его. Леонъ ходилъ въ городъ переписывать

ману-

манускрипты, и тѣмъ содержалъ себя и друга своего Евферія.

Дражайшая тетушка! сказала однажды Аѳинаида Эминѣ: я бы чрезвычайно васъ оскорбила, естьлибъ стала еще долѣе скрывать волненіе своего сердца (она испускаетъ глубокій вздохъ); я не знаю, отъ чего родилась во мнѣ печаль? для чего не могу преодолѣть ее? Она умножается, когда нѣтъ съ нами Леона. Вы мнѣ вмѣсто матери, изъясните, что значитъ сіе чувствованіе? Леонъ во мнѣ возбудилъ къ себѣ сожалѣніе; онъ чрезвычайно тронулъ меня! — Аѳинаида! отвѣчаетъ ей Эмина, ты просвѣщеннѣе меня; ты свѣдуща во многихъ наукахъ, и отецъ твой открылъ тебѣ сокровеннѣйшія таинства познаній; но онъ не внушилъ тебѣ наставленій въ разсужденіи тѣхъ впечатленій, которыя ты должна истреблять изъ чувствъ своихъ. Любезная племянница! не полагайся на сіе нѣжное состраданіе, на сію особенную чувствительность, которая заставляетъ тебя принимать толикое

участіе вЪ ЛеоновыхЪ нещастіяхЪ. — Это любовь. — Любовь? КакЪ? я люблю Леона! — Да, ты любишь его; повѣрь мнѣ, что я замѣчаю малѣйшія движенія сердца твоего. ЧасЪ отчасу онЪ болѣе плѣняетЪ тебя; и до чего доведетЪ тебя сія страсть? Ты должна совершенно отказаться отЪ брака; скоро посредственное наше состояніе превратится вЪ нищету, подЪ тяжестію коея и самЪ ЛеонЪ страдаетЪ; онЪ не можетЪ быть твоимЪ мужемЪ. — Я никода не думала обЪ этомЪ, я не хочу входить ни вЪ какія обязательства; но естьли Пульхерія устоитЪ вЪ своемЪ обѣщаніи: то для чегожЪ намЪ не одолжить Леона и не облегчить его участи? Я бы сЪ величайшимЪ удовольствіемЪ согласилась быть супругою его. ВпрочемЪ не опасайтесь, чтобЪ я хотя малѣйшее посрамленіе нанесла своей чести; сЪ сихЪ порЪ буду видѣться и разговаривать сЪ ЛеономЪ только при одномЪ вашемЪ присутствіи! — Естьли тебѣ не противно, любезная племянница, то преградимЪ ему входЪ вЪ нашЪ домЪ;

я

я это беру на себя. Ахъ! нѣтъ, нѣтъ тетушка! вы его симъ оскорбите! Онъ весьма жалокъ, наше общество ему сдѣлалось необходимымъ! Мы ничѣмъ не благополучнѣе его, и гонимые злымъ щастіемъ менѣе чувствуютъ тяжесть своихъ горестей, когда находятъ людей, подверженныхъ подобному року: я этому вѣрю по собственному своему сердцу; — такъ не должно ли намъ облегчать Леонову трусть! — Аѳинаида! ты рѣшилась такъ поступать; но сія слабость повергнетъ тебя въ величайшія напасти; для чегожъ тебѣ умножать свои нещастія? и естьли наши обстоятельства не перемѣнятся? естьли мы навсегда останемся въ одинаковомъ состояніи... развѣ ты не видишь угрожающихъ намъ бѣдствій? — По крайней мѣрѣ я пролью слезы объ этомъ нещастномъ: дорогаголи стоитъ сожалѣніе? Но оно естьли не прекращаетъ нещастій, то по крайней мѣрѣ облегчаетъ, услаждаетъ и сноснѣйшимъ дѣлаетъ оныя.

Эми-

Эмина по случаю удаляется на минуту отЪ Пульхеріи. Восхищенный ЛеонЪ пользуется симЪ благопріятнымЪ случаемЪ. ОнЪ поспѣшно летитЪ кЪ Аѳинаидѣ; — и такЪ вы часто ходите ко двору, говоритЪ ей? Я хожу сЪ прозьбою кЪ Принцессѣ; она обѣщалась на сихЪ дняхЪ кончить мое дѣло. — ТакЪ и ваши нещастія кончатся, будьте вЪ томЪ увѣрены; чтожЪ касается до моихЪ, то они развѣ только сЪ жизнію прекратятся. — ЛеонЪ! истреби столь печальное воображеніе; повѣрь, что ты первой будешь пользоваться моей благополучной перемѣной! Я не могу не довѣрять Пульхеріи: она весьма благотворительна и справедлива; ты будешь мнѣ другомЪ. — ДругомЪ, прервалЪ ЛеонЪ! АхЪ слабая надежда! и тотчасЪ повергнулся кЪ стопамЪ ея. — Я не могЪ болѣе преодолѣть сильнѣйшаго пламени любви; тщетно старался скрывать его вЪ моей груди. Милостивая Государыня! вы видите предЪ собою нѣжнѣйшаго и покорнѣйшаго любовника... — ЛеонЪ! любовникЪ! Встань, это ты осмѣ-

осмѣливаешься оскорблять меня! Ты дожидаешься, чтобъ моя тетка ... — Прекрасная Аѳинаида! я въ этомъ признаюсь въ присудствіи Эмины, признаюсь предъ цѣлымъ свѣтомъ. Онъ видитъ входящую Эмину. — Такъ, милостивая государыня! обожаю вашу племянницу, я не хочу этого скрывать отъ васъ; ея добродѣтели, ея красота воспламенили во мнѣ всю кровь ... Я сгараю отъ любви... Аѳинаида при сихъ словахъ изъявила негодованіе. Ахъ! какую вы имѣете въ виду надежду, сказала Эмина Леону раздраженнымъ голосомъ? Развѣ для обмановъ мы позволили вамъ ходить въ нашъ домъ ... — Постойте, милостивая государыня, познайте мое намѣреніе: оно чисто, достойно вашей обожаемой племянницы; я дерзаю просить ея руки, — безъ имущества! будучи столь же нещастенъ, какъ и мы! — Мое состояніе совсѣмъ перемѣнится, перемѣнится моя судьба; она позволитъ мнѣ вступить въ бракъ, естьли только я не противенъ Аѳинаидѣ!

Молодая Гречанка смотритъ на Эмину; и по томъ, обративъ на Леона свои прелестныя очи, залившіяся слезами, говоритъ: для чего щастіе возстаетъ на насъ?

Сіи одни слова все открыли Леону: онъ узналъ, что любитъ его обожаемая красавица, — встаетъ внѣ себя. — Я благополучнѣе всѣхъ смертныхъ! Такъ, прекрасная Аѳинаида, мы соединимся! вашъ страстнѣйшій любовникъ будетъ вашимъ вѣрнымъ супругомъ! вы будете неограниченною обладательницею такого сердца, которое умѣетъ цѣнить ваши прелести! Ахъ! естьли ты любишь меня Аѳинаида! какое величество промѣняю на сіе щастіе!

Леонъ предается неописанному восторгу; Эмина спрашиваетъ его о причинѣ столь внезапной перемѣны. Молодой человѣкъ старается разсѣять всѣ ея сомнѣнія; онъ утверждаетъ ее въ тѣхъ мысляхъ, что состояніе его перемѣнится, и что въ скоромъ времени надежда исполнится. Аптикъ

часъ

часѣ отчасу болѣе преклонялѣ на свою сторону Аѳинаиду; ей послѣдовала и Эмина, и она уже не столько была привязана кѣ язычеству.

Аѳинаида, по какому-то особенному случаю, не знала, что Леонѣ Христіанинѣ: она разсказывала ему о чрезвычайномѣ Пульхеріиномѣ желаніи обратить ее вѣ свою Религію. — И вѣ какое пришла изумленіе, когда и любовникѣ началѣ убѣждать ее, чтобѣ согласилась на Пульхеріино желаніе! Развѣ ты Леонѣ не одной со мною Религіи? — Ахѣ, сударыня! можете ли сомнѣваться, что я Христіанинѣ! Сія Религія есть наичистѣйшая и святѣйшая; я бы васѣ, можетѣ быть, сѣ меньшимѣ жаромѣ, сѣ меньшею нѣжностію любилѣ, естьлибѣ не былѣ Христіанинѣ; не уже ли Юпитерѣ сдѣланѣ для того, чтобѣ быть Аѳинаидинымѣ Богомѣ: моя Религія есть источникѣ всѣхѣ добродѣтелей, которыя даютѣ намѣ чувствовать, что душа наша имѣетѣ Божественное начало; мудрость Христіанская несравненно

 пре-

превышаетъ всякую мудрость человѣческую; сію-то Религію и вы должны принять; вы уже напоены святѣйшими ея правилами, коимъ научаютъ насъ; ваше сердце уже исполнено сея небесныя нравственности; одинъ только разумъ привязываетъ васъ къ язычеству, разсмотрите это сами, и вы тотчасъ познаете свое заблужденіе.

Аѳинаида слушала Леоновъ разговоръ со вниманіемъ и съ такою пользою, какой прежде не ощущала. — Не уже ли и любовь содѣйствовала въ Аѳинаидиномъ отверженіи отъ языческаго нелѣпаго и ложнаго Богопочитанія? Какъ бы то ни было, по сей бесѣдѣ она съ большею охотою желала разговаривать съ Аттикомъ, и со дня на день сердце ея озарялось большимъ свѣтомъ истинны. Все свершилось, она сказала наконецъ; Аттикъ скоро преклонитъ меня на свою сторону; скоро приму вашу Религію; она не только не запрещаетъ имѣть чувствительности, но еще оную превозно-

носитЪ похвалами и дѣлаетЪ ее чистою.

Пульхерія увѣдомлена была о тріумфѣ, которой Христіанской законЪ получилЪ надЪ молодой Гречанкой; она большую оказываетЪ ей привязанность, большими осыпаетЪ ее ласками и изЪявляетЪ свою радость. Аѳинаида! сЪ сего времени небо будетЪ кЪ тебѣ благосклонно, — ты вознесешься на высочайшую степень щастія, я вЪ томЪ дала тебѣ обѣщаніе; твои братья будутЪ тебѣ завидовать; воспользуйся поскорѣе сей благопріятной минутой, которая должна перемѣнить твою участь; красота и добродѣтель получатЪ такую награду, которая самой тебѣ покажется непонятною.

Молодая Гречанка сЪ поспѣшностію летитЪ вЪ обЪятія Эмины, разговаривавшей сЪ ЛеономЪ. — Я сЪ нетерпѣливостію желаю васЪ увѣдомить. — Поздравляйте меня. — Принцесса обѣщалась на самомЪ дѣлѣ исполнить свое обѣщаніе; я не могу вообразить себѣ, вЪ чемЪ оно состоитЪ;

 оно

оно самую меня приведетЪ вЪ изумленіе. — О ты! которая призрила меня вЪ моей бѣдности, которая сдѣлалась мнѣ второю матерью, и теперь мною оплакиваемою, и ты ЛеонЪ! — Небо да будетЪ свидѣтелемЪ, что ни для чего другаго не желаю лучшаго состоянія, какЪ для того, чтобЪ содѣлать щасгпливыми тетушку и того, коего по ней нѣтЪ мнѣ любезнѣе вЪ свѣтѣ! ЛеонЪ! я за первое удовольствіе почту отмстить твоему пагубному року. — Благодарю Пульхерію; можетЪ быть я предупрежу сію твою лестную премѣну, о которой ты намЪ сказываешь; мнѣ это очень пріятно; и для чегожЪ не пользоваться сими благопріятными обстоятельствами? Мое признаніе заставитЪ Пульхерію еще большія благодѣянія излить на меня! — Уже совсѣмЪ было я хотѣла сказать ей, что ты требуешь моей руки. — АхЪ, Аѳинаида! заклинаю тебя любовію, не открывай этого своей покровительницѣ. МожетЪ быть она станетЪ препятствовать нашему соединенію. —

Ле-

Леонъ! ты одинъ будешь обладать моимъ сердцемъ. — Самой Императоръ.... — говорите. . . — Θеодосiй, со всѣмъ своимъ могуществомъ, не извлечетъ изъ меня ни одного изъ тѣхъ чувствованiй, кои ты въ меня влiялъ; я съ удовольствiемъ это повторяю тебѣ. Хотя бы ты былъ нещастнѣйшiй изъ смертныхъ, послѣднiй изъ рабовъ, — Леонъ! чегожъ еще больше для тебя?

Не возможно описать, въ какой восторгъ пришелъ Леонъ по сихъ словахъ. Чувствительныя сердца! я не могу вамъ живо изобразить сея картины! Молодой человѣкъ увѣрялъ Эмину, что скоро наступитъ та минута, въ которую позволено будетъ ему повергнуться къ Аѳинаидинымъ стопамъ и пожертвовать ей своимъ сердцемъ и щастiемъ.

Два любовника, такъ нѣжные и такъ чувствительные, какъ здѣсь изображаемъ ихъ, должны всегда провождать время въ сихъ прiятныхъ разговорахъ, въ сихъ сладкихъ бесѣдахъ, кои составляютъ чистѣйшее удо-

удовольствіе любви; вЪ семЪ-то изліяніи души и нѣжность изливаетЪ всѣ свои утѣхи. ТакЪ, ЛеонЪ! мнѣ весьма желательно, чтобЪ надежда тебя обманула; чтобЪ ты погруженЪ былЪ вЪ гораздо нещастнѣйшее состояніе, дабы я одна имѣла удовольствіе прекратить твои горести. — Обожаемая дѣвица! возможно ли это, чтобЪ ты, осыпана будучи богатствомЪ, вознесена на высочайшую степень честей и щастія, удостоила обратить свои взоры на стенающаго подЪ игомЪ тяжкихЪ нещастій Леона? — Не уже ли ты не вѣришь мнѣ? и что воспламенило во мнѣ такую горячность, коей не могу даже и умѣрить; кто произвелЪ во мнѣ столь нѣжную любовь, какЪ не твои мученія, коихЪ ты не заслуживаешь? Ты извлекЪ изЪ глазЪ моихЪ слезы, ты плѣнилЪ и самое сердце мое! — АхЪ! почто я не могу живо выразить тебѣ своей признательности, любви и восторга? КакЪ трогаетЪ меня твое искреннее признаніе, которое мнѣ всегда пріятно будетЪ! Повторяй стократно,

что не прельститъ тебя величество всѣмъ своимъ блескомъ, что никогда не истребишь изъ своего сердца нещастнаго Леона! — Естьлибъ могъ я возвести тебя на тронъ, какъ бы ты украшала его; онъ былъ бы сѣдалищемъ твоихъ прелестей и добродѣтелей; но что я говорю? Не довольно для тебя и самаго трона: надобно воздвигнуть тебѣ олтарь: ты богиня красоты и нѣжности. — Правда, Леонъ, лестенъ бы для меня былъ тронъ, естьлибъ я съ тобой его раздѣляла; я бы не стала гордиться богатствомъ и величествомъ, но употреблялабъ ихъ въ пользу другихъ. Вотъ чѣмъ щастливы земныя божества! — Какъ они благополучны! ибо могутъ осушать слезы нещастнаго, утѣшить, и перемѣнить пагубную судьбу его, быть отцами сирымъ, оживлять бѣдныхъ, и наполнять сердца свои онымъ неизъяснимымъ удовольствіемъ, которое въ дѣланіи добра заключается. — И естьли бы ты была Императрицею . . . — Ахъ! мнѣ бы тогда весьма желатель-

но было, чтобъ Константинополь, чтобъ цѣлой свѣтъ чувствовалъ мои благодѣянія, чтобъ нещастные съ тѣмъ единственно ко мнѣ приближались, дабы прекратить свои мученія, или по крайней мѣрѣ облегчить оныя. Ничья бы прозьба не была тщетна: я бы судъ всегда соединяла съ милостію; ибо ничѣмъ мы столько не уподобляемся Божеству, какъ сею добродѣтелію. На пр. мои братья сдѣлали меня нещастною! Ахъ! я бы съ великимъ удовольствіемъ за была всѣ ихъ обиды! Ненависть мучительна сердцу, благосклонность же весьма пріятна и усладительна! — Всѣмъ вашимъ Императорамъ я предпочитаю великаго Ѳеодосія за то, что онъ сказалъ сыну своему: „Будь столькожъ милосердъ, какъ самъ Богъ. Онъ-то есть истинный мой герой, и всѣ чувствительныя сердца должны со мною признавать его таковымъ.„

Леонъ повергается къ Аоинаидинымъ стопамъ, и заливаясь слезами, говоритъ: прекраснѣйшая изъ смертныхъ! небесная душа! позволь себя ува-

жать болѣе, нежели смертную. Ты создана на украшеніе рода человѣческаго; — въ награду твоимъ добродѣтелямъ мало и всей подсолнечной ... ты будешь имѣть удовольствіе... будешь!

Эвхерій, при семъ словѣ, нѣчто тихо говоритъ своему другу, и отводитъ его въ сторону. Леонъ опять подбѣгаетъ къ молодой Гречанкѣ, объясняется: — не сумнѣвайся, любезная Аѳинаида, Пульхерія исполнитъ свое обѣщаніе: я въ томъ увѣряю тебя.

Сіи послѣднія слова привели Аѳинаиду въ великую задумчивость; разумъ ея терялся въ безчисленныхъ размышленіяхъ, приводившихъ ее въ большее недоумѣніе.

Уже она съ своею теткою готова была отрещись языческихъ боговъ: обѣ онѣ познали заблужденіе своей Религіи, и озарились свѣтомъ Христіанскія истинны, уже ожидали той минуты, въ которую надлежало имъ торжественно принять крещеніе.

Аѳинаида погружается въ тяжкую печаль; смущеніе, страхъ и слезы ея

 ко-

колеблютъ Леоново сердце.. — Такъ, я поручаю себя Провидѣнію, вѣрю и чувствую, что одинъ Христіанской законъ пріятенъ высочайшему Существу, котораго мы называемъ Богомъ. Но Леонъ! я страшусь, не сердце ли это торжествуетъ надъ разумомъ. Можетъ быть особенная моя привязанность къ тебѣ болѣе всего въ этомъ содѣйствуетъ; моя душа чрезмѣрно къ тебѣ привержена! и я люблю тебя безпредѣльно; не стыжусь въ этомъ признаваться тебѣ; я вижу въ тебѣ своего супруга; но естьли любовь вмѣшалась въ сію перемѣну . . . я буду бѣгать даже и самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ты будешь жить, разорву цѣпь; Религія важнѣе всего на свѣтѣ: я тобою и собой пожертвую, . . . съ мужествомъ умру, не укоряя себя постыднымъ преступленіемъ!

Леонъ употребляетъ всѣ нѣжныя выраженія, всю живость своего жара для увѣренія и разсѣянія безпокойствъ ея: — обожаю, страстно люблю тебя, прекрасная Аѳинаида! — Соглашусь стократно принесть на жертву жизнь

свою

свою за одинъ твой милый взглядъ. Клянусь тебѣ сею моею любовiю, которая не истребится въ сердцѣ моемъ до самаго гроба, не опасайся никакихъ обмановъ. Естьлибъ не былъ я увѣренъ въ чистыхъ твоихъ побужденiяхъ, я бы первой, первой бы сталъ совѣтовать тебѣ ждать до тѣхъ поръ, пока небо не озарилобы тебя большимъ свѣтомъ; я однѣхъ съ тобою мыслей, умру за свою Религiю. Хорошо, сказала молодая Гречанка, кинувъ на него томный взоръ: я повѣрю тебѣ Леонъ... но другое меня беспокоитъ, — всѣ будутъ подозрѣвать меня въ томъ, что щастiе обольстило меня принять твой законъ. — Аѳинаида! не слушайся никого, кромѣ своего сердца: оно одно долженствуетъ рѣшить твою участь; презирай ложныя мнѣнiя другихъ.

Она съ своею теткою идетъ къ Пульхерiи. — Наконецъ, милостивая государыня, говоритъ Аѳинаида, глаза мои просвѣтились; благодарю почтеннаго Аттика за мудрыя наставленiя его: я Христiанка, я торжественно сiе провозглашаю; моя тетушка од-

нѣхъ со мною мыслей и также желаетъ креститься. Принцесса пришла въ неописанную радость. — Аѳинаида! небо исполнило мои желанія; мои слезы исходатайствовали тебѣ обращеніе. Ты Христіанка! ты готова принять мои обѣщанія! Аѳинаида! тебѣ нѣчего болѣе желать .....ты на верху благополучія... Я не могу скрыть своего восторга... ты плачешь!

Аѳинаида изъясняется въ томъ и Пульхеріи, о чемъ говорила Леону: она не могла разсѣять своего страха. Милостивая государыня! страшусь я, чтобъ не стали меня подозрѣвать въ томъ, будто отвергаю законъ отцевъ моихъ для лестнаго щастія, сія мысль снѣдаетъ мое сердце. Государыня! не облегчайте моей участи, естьли этому уже должно такъ быть, пусть я буду еще нещастнѣе! Пульхерія на это отвѣчала ей согласно съ Леономъ. — ты напрасно беспокоишся, твоя мудрость, твои дарованія мнѣ извѣстны; для чего тебѣ не отвергнуться язычества, когда заблужденія онаго показаны? сталалибъ я тебя обманывать? Я бы

бы чрезъ это оскорбила Бога, не по принужденію, а добровольно всѣхъ къ себѣ призывающаго. Естьли кто дерзнетъ такъ порочить тебя, снеси это за Религію. Одинъ Богъ и сердце суть твои судіи; — у меня нѣтъ другихъ утѣшителей, кромѣ сихъ двухъ; я сама не избѣжала наглыхъ роптаній, кои сносила безъ угрызенія совѣсти, и не беспокоясь оными, и теперь поступаю по тѣмъ же правиламъ, отъ коихъ зависитъ слава и благополучіе Имперіи. Впрочемъ ты будешь на такомъ высокомъ мѣстѣ, что стрѣлы зависти и злобы не возмогутъ прикоснуться тебѣ. Поди, приготовляйся съ своею теткою къ священной церемоніи. — Васъ увѣдомятъ.

Аѳинаида съ Эминой возвращается домой въ великомъ беспокойствѣ и смущеніи. Леонъ и Эвхерій дожидались ихъ. Молодая красавица садится со слезами: — Леонъ! . . . Леонъ! . . . Я сказала Принцессѣ, еще повторяю и тебѣ, что я Христіанка, что не пріемлю оныхъ лестныхъ знаковъ

 мило-

милостей ея, коими безпрестанно обнадеживаетъ меня! Правда, можно бы мнѣ было сдѣлать благополучною мою тетушку; можно бы и тебя, любезный Леонъ, обогатить, ощастливить, и соединиться съ тобою брачнымъ союзомъ... Какъ бы этимъ восхищалась душа моя! Но желаешь ли... терзается сердце мое.... умираю!.. —

Сколь убѣдительны, сколь сильны рѣчи нѣжнаго любовника! — Леонъ разсыпалъ Аѳинаидины безпокойства. — Но, (говоритъ молодая Гречанка), что заключается въ Принцессиныхъ словахъ? „Я буду возведена на столь высочайшую степень чести, что стрѣлы злословія человѣческаго никакъ не возмогутъ уязвлять меня.„ Леонъ! для Эмины, для тебя желаю себѣ такой участи; клянусь вамъ небомъ, что безъ васъ самое величайшее въ свѣтѣ щастіе несносно будетъ мнѣ. — Аѳинаида! я сказывалъ Эминѣ, сказывалъ и тебѣ самой, что состояніе мое скоро перемѣнится: сія щастливая минута наступаетъ.... Я, я! возвышу тебя....

Отъ

Отъ меня получишь и богатство и величество .... Но .... отъ тебя, Аѳинаида! отъ тебя одной зависитъ все мое щастіе!

Всѣ беспокойства Аѳинаидины разсѣялись; она нетерпѣливо желаетъ присовокупиться къ нашей православной церкви. Назначенный для крещенія день насталъ. Пульхерія приказываетъ ей готовиться къ церемоніи и переодѣться въ богатое платье, которое она нарочно для сего случая изготовила и послала къ ней. Леонъ устремляетъ на нее свои взоры: — какъ ты прекрасна Аѳинаида! какъ ты прекрасна! и такими прелестями одинъ Леонъ будетъ наслаждаться!.. Ахъ!.... придворные .... — Леонъ! я тебѣ сказала, земные владыки нимало не плѣнятъ меня; ты, ты одинъ мой обладатель!

Щастливый любовникъ при сихъ словахъ повергается въ объятія своей любезной; сохраняетъ глубокое молчаніе, — сіе живое выраженіе любви; потомъ въ восторгѣ говоритъ: и такъ ты любишь меня! Не богатство, не величество, не слава;.. но нещастной

Леонъ восторжествовалъ надъ Аѳинаидинымъ сердцемъ! Какъ я благополученъ! – Пойдешь ли ты Леонъ на сію церемонію? — Государыня! — природа лишила меня знатности! Мнѣ трудно.... однакожъ постараюсь, замѣшавшись въ свитѣ придворныхъ, пробраться и въ самой дворецъ... буду искать средства, чтобъ ты увидѣла меня... Но ахъ! обратишь ли тогда на меня свои взоры?... Леонъ! и ты еще сомнѣваешся въ томъ, что въ оной многочисленной толпѣ, среди столь великолѣпной свиты придворныхъ, я не увижу никого, кромѣ тебя, тебя одного!

Леонъ, тронутый столь нѣжною и страстною привязанностію, орошаетъ своими слезами прекрасную руку своей обладательницы, лобызаетъ ее и прижимаетъ къ своей груди. — Аѳинаида!... обладай моею душею... Владычество цѣлаго свѣта есть малая награда толикимъ добродѣтелямъ и толикимъ прелестямъ. Аѳинаида... будешь Государынею!... это само божество на тронѣ!....

Ле-

Леонъ не оканчиваетъ своей рѣчи; уходитъ съ Эвхеріемъ, кидая на Аѳинаиду томные и нѣжные взоры.

Эмина съ своею племянницею шествуетъ во дворецъ. Пульхерія, окруженная многочисленнымъ собраніемъ, ожидала ихъ съ величайшею помпою. Никогда не видалъ Константинополь столь великолѣпнаго зрѣлища, столь пышныхъ украшеній; со всѣхъ сторонъ, ослѣплялъ глаза блескъ драгоцѣнныхъ камней. Аѳинаида приходитъ, — начинаются всеобщіе плески; всѣ превозносятъ ея красоту, ея пріятности, скромность, соединенную съ очаровательными прелестями, благородную и величественную осанку. Язычники говорили: это сама Венера сошла съ Олимпа. Христіане называли ее Ангеломъ, посланнымъ съ неба во всемъ своемъ сіяніи. Всѣ единодушно восклицали, что столь прекрасное чело достойно короны, что Аѳинаида рождена царствовать надъ цѣлымъ свѣтомъ. Она одѣта въ самое бѣлое платье, вышитое серебромъ; ея волосы, наподо-

біе волнъ, развѣваются по плечамъ, и розовой румянецъ играетъ на нѣжныхъ ланитахъ ея. — Подойди ко мнѣ, любезная дочь, (сказала ей ласково Пульхерія), препояшся священною лентою и произноси оныя клятвенныя обѣщанія, кои присоединятъ тебя къ нашей церкви.

Аѳинаида исполняетъ все то, чего требуетъ сей важнѣйшій обрядъ; она громогласно и съ внутреннимъ чувствованіемъ читаетъ исповѣданіе вѣры. Эмина слѣдуетъ примѣру своей племянницы; наконецъ Аттикъ совершаетъ тайну крещенія. Сестра Ѳеодосіева желая, чтобъ въ новокрещеной ничего не осталось языческаго, переименовала ее изъ Аѳинаиды Евдоксіею.

Она предавшись всему восторгу, восклицаетъ: и такъ теперь ты Христіанка, милая Аѳинаида! Благосклонное небо украсило возлюбленную свою дщерь и симъ главнѣйшимъ совершенствомъ! Ты распространишь, ты любезнѣйшимъ для невѣрныхъ сдѣлаешь нашъ законъ! Время мнѣ исполнить свое обѣщаніе.

Слѣ-

Слѣпое щастіе хотѣло было тебя унизить; но правосудіе Божіе чрезъ меня благоволитъ возвести тебя на такую степень чести, коей ты достойна; я бы несправедливо поступила, ежелибъ твоимъ добродѣтелямъ, соединеннымъ съ такою отличною красотою, меньшую опредѣлила награду.

Пульхерія нѣчто тихо говоритъ одному придворному Вельможѣ; все собраніе пребываетъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. — Чтожъ касается до Евдоксіи, она ни мало не перемѣнила своей души, вѣчно преданной Леону. Рѣчи Принцессины, возбуждавшіе во всѣхъ зрителяхъ любопытство, не столько занимали ее, сколько сожалѣніе о томъ, что не могла увидѣть милаго Леона; можетъ быть и тщеславіе нѣкоторымъ образомъ примѣшалось къ сей любви; можетъ быть Евдоксія желала внутренно, чтобъ Леонъ былъ свидѣтелемъ такого торжества, въ коемъ она была главнымъ предметамъ. Въ самой вещи, она была главною виновницею сего празднества, и Леонъ не участвовалъ въ

ве-

веселіяхЪ онаго! Она своими взорами безпрестанно искала его, и онЪ не являлся! — Врата отворяются, шествуютЪ великолѣпно одѣтые Вельможи: одинЪ несетЪ вЪ рукахЪ корону, осыпанную драгоцѣнными каменьями; другой держитЪ скипетрЪ, осыпанный подобными украшеніями; они приближаются: — новое изумленіе; — всѣ спрашиваютЪ, что это значитЪ; сама Евдоксія недоумѣваетЪ. Сестра Ѳеодосіева громогласно говоритЪ: Евдоксія! благодари Превѣчнаго, просвѣтившаго тебя БожественнымЪ своимЪ свѣтомЪ, и занимай первое вЪ свѣтѣ мѣсто, которое ты еще болѣе украсишь своими личными достоинствами. (ПовелѣваетЪ ВельможамЪ). Возложите сію корону на главу ея! вручите ей сей скипетрЪ! — НародЪ! вотЪ твоя Императрица. Евдоксія ни пріемлетЪ сихЪ царскихЪ украшеній, и сЪ нѣкоторымЪ ужасомЪ повергается вЪ слезахЪ кЪ ПульхеріинымЪ стопамЪ. — Милостивая государыня... я не могу принять.. мое сердце... оно не вЪ моей власти.. ЛеонЪ... умираю... ВЪ самой вещи, помер-

меркаетъ свѣтъ въ очахъ ея; она ничего не слышитъ, лишается чувствъ... упадаетъ въ объятія Эмины, которая поддерживаетъ ее.

Аѳинаида! вскричалъ нѣкто невидимый никѣмъ! Собраніе раздѣляется на двѣ стороны; не обманывается, что это идетъ Императоръ, самъ Ѳеодосій, одѣянный въ порфиру и повергается въ объятія молодой красавицы. — Любезная Аѳинаида! открой глаза свои, познай въ Ѳеодосіи Леона, своего любовника, своего жениха, нетерпѣливо желающаго съ тобою соединиться бракомъ предъ олтаремъ! Евдоксія приходитъ въ чувство, поднимаетъ зѣницы и въ восторгѣ говоритъ: Леонъ! Леонъ! обладатель мой! Государь! — Евдоксія! называй меня лучше своимъ обожателемъ. Любезная! простишь ли ты мнѣ за сію хитрость, которую позволила мнѣ моя любовь? Я самъ собою старался понравиться тебѣ, и употреблялъ на это не высокій санъ, не величество, но живѣйшій и чистѣйшій жаръ моея къ тебѣ привязанности, сама

Пуль-

Пульхерія не знала сего невиннаго коварства... Аѳинаида! ты полюбила Леона, Леона нещастнаго, и желала сдѣлать его щастливымъ! И такъ сей Леонъ возводитъ тебя на тронъ! Ахъ! онъ желалъ бы вручить тебѣ державу и всей подсолнечной: царствуй! царствуй со мною, для собственнаго моего благополучія, для блага подданныхъ моихъ и цѣлаго свѣта! Народъ вмѣстѣ съ своимъ Императоромъ да почитаетъ тебя, какъ живѣйшее и точнѣйшее изображеніе Божества!

Здѣсь-то кисть упадаетъ изъ рукъ моихъ! Евдоксія залившись слезами едва, едва произноситъ сіи слова: это ты! это ты Леонъ! я не вмѣщаю своего благополучія! — Милостивая государыня! я никогда не забуду того, что вы виновница моего благополучія. Чѣмъ я не одолжена вамъ! Благодарность Евдоксіина не истребится до самаго гроба; я всегда вамъ буду нѣжнѣйшею и покорнѣйшею дочерью; по томъ обращается къ Ѳеодосію — Государь..! — Къ чему это!

Им-

Императоръ прерываетъ съ улыбкою; развѣ Аѳинаида уже забыла своего Леона?

Послѣ Ѳеодосія и Пульхеріи Эмина была первымъ предметомъ, которой трогалъ чувствительную Евдоксію. Дражайшая моя благотворительница! сказала ей новая Императрица, и такъ теперь я могу вамъ оказать нѣкоторые слабые знаки моея нѣжности! Ваша племянница, будучи на тронѣ, никогда не забудетъ того, что вы призрили ее въ бѣдности, что вашъ домъ, ваши объятія были ей отверзты; никогда Императрица не выпуститъ изъ виду нещастной Аѳинаиды и всего того, что вы для нее сдѣлали.

Какъ пріятно изображать такія картины! Ѳеодосій говоритъ Пульхеріи: любезная сестрица! вотъ благопріятное время открыть новое зрѣлище, которое весьма прилично настоящей радости. Кажется, обѣщался я того пастуха, коего простота и добродушіе столько принесли мнѣ удовольствія, еще наградить, кромѣ данныхъ ему 15 литръ. Пошлемъ за нимъ. Принцесса похва-

 ляетъ

ляетъ сіе напамятованіе, которое дѣлаетъ честь чувствительности брата ея; съ споспѣшностію исполняетъ повелѣніе. — Пастухъ приходитъ съ своею женою и дѣтьми. Какимъ онъ поражается изумленіемъ, когда находитъ Императора въ томъ странникѣ, которой изліялъ на него свои щедроты! Онъ со всѣмъ своимъ семействомъ ницъ повергается предъ Ѳеодосіемъ, которой съ благосклонною улыбкою говоритъ ему, указывая на Аѳинаиду: „ Другъ мой! вотъ и я почти столькожъ благополученъ, какъ и ты! и у меня скоро будетъ супруга; надѣюсь, что ты одобришь мой выборъ!„ Поселянинъ, приведенный въ замѣшательство, приходитъ внѣ себя. — Евдоксія поднимаетъ сего добродушнаго человѣка, повергшагося къ стопамъ ея, осыпаетъ поцѣлуями жену и дѣтей его, и приказываетъ имъ присудствовать на своемъ бракосочетаніи. Ѳеодосій изливаетъ на нихъ свои благодѣянія; даже спрашиваетъ пастуха, не хочетъ ли онъ занять какую нибудь должность въ Константинополѣ; но му-

дрый сей поселянинъ (*), благодаря Государя за великія милости его, отказался, и предпочелъ всему свою деревенскую хижину, собственными руками построенную, и небольшой садикъ. Каждой годъ Императору и Императрицѣ, какъ благотворительнымъ своимъ Богамъ, приносилъ онъ въ даръ первые цвѣты и плоды своихъ полей; трогательная

(*) Мудрый поселянинъ, и проч. По справедливости первый секретъ мудрости состоитъ въ познаніи истиннаго источника благополучія. Сей человѣкъ, какъ видно изъ послѣдствія, поступалъ несравненно мудрѣе Аѳинаиды, а чрезъ то доказалъ, что онъ былъ просвѣщеннѣе и чувствительнѣе ея, хотя и ничему не учился. Многіе завидовали ему въ томъ, что онъ имѣлъ щастіе быть у своего Государя; но огорченія его всегда превышали оное скоропреходящее удовольствіе, коимъ одолженъ онъ сей царской милости. Коликократно Аѳинаида сожалѣла о прежнемъ своемъ состояніи? и какъ ей возможно было избѣгнуть огорченій, сопряженныхъ неразлучно съ ея непонятною участію! Къ чему служили ей науки и дарованія! какая польза въ отличномъ разумѣ, когда оной не дѣлаетъ насъ благополучными!

жертва, которую Θеодосій съ супругою своею орошали слезами. Часто они говаривали: увы! онъ несравненно благополучнѣе насъ! Пульхерія, будучи наединѣ съ Павлиномъ, говорила ему: Павлинъ! все это, что мы теперь ни сдѣлали, не вливаетъ ли въ насъ удовольствія, превышающаго всѣ пріятности, коими страсти могутъ обольстить нискія души? Мы отмстили вооружившемуся противъ насъ щастію; вывели изъ мрака красоту, пылкія дарованія, соединенныя съ рѣдкими добродѣтелями, и посадили оныя на тронѣ; мы даровали Θеодосію достойную супругу — Имперіи Государыню, обѣщавающую благоденствіе. Да чистое удовольствіе, проистекающее изъ дѣланія добра (*), упоеваетъ

(*) Естьлибъ это не было удовольствіемъ и притомъ удовольствіемъ главнымъ, то людямъ, занимающимъ важныя степени, какая бы еще оставалась награда, какое ободреніе, которое бы заставляло ихъ любить добродѣтель и исполнять оную? Не признаются ли сіи великіе мужи, что они ничто иное, какъ предметы подлой зависти,

ваетъ сердца наши радостнымъ восторгомъ! Я уступаю движеніямъ своей благородной гордости, которую любовь сокрыла бы отъ насъ въ неизвѣстности и воспрепятствовала бы намъ стараться о Ѳеодосіевой пользѣ, о пользѣ цѣлой Имперіи. Станемъ пещися о общемъ благополучіи; въ семъ-то состоитъ истинное удовольствіе, соединенное съ нашею властію. Я это опытомъ дознаю, чувствую . . . не лишай меня своихъ мудрыхъ совѣтовъ; будь не подданнымъ, а другомъ своему Государю. Станемъ

сти, поноснѣйшихъ ругательствъ и самой ужаснѣйшей неблагодарности; что самыя невинныя дѣйствія ихъ часто перетолковываемы бываютъ въ предосудительные пороки, а нерѣдко и въ ужаснѣйшія злодѣянія, такъ что можно ихъ назвать пищею человѣческой злобы! Такъ для чего дѣлаютъ они добро? — Для того, что сердце наполняется верховнымъ удовольствіемъ, и что добродѣтель сама въ себѣ заключаетъ благополучіе, напротивъ того, какъ, другія страсти для удовлетворенія своего имѣютъ нужду совсѣмъ въ посторонихъ средствахъ!

немЪ совершать сей похвальной путь и преспѣвать вЪ добродѣтеляхЪ ; Павлинъ ! награда вЪ нашемЪ сердцѣ; ея никто не можетЪ у насЪ похитить. Пусть цѣлая нація, цѣлой свѣтЪ обязанЪ намЪ будетЪ своимЪ благополучіемЪ, мы будемЪ наищастливѣйшіе изЪ смертныхЪ . . . — Наищастливѣйшіе, Государыня! . . . АхЪ! по этому вамЪ совсѣмЪ неизвѣстна любовь? Не трудно понять, что изступленіе героизма можетЪ заставить насЪ пожертвовать даже и самымЪ бытіемЪ; можно жизнь принести на жертву, но быть принужденну скрывать вЪ себѣ жарЪ . . . которой снѣдаетЪ меня, лишиться совсѣмЪ надежды, умереть отЪ любви, видѣть васЪ! Государыня, и каждую минуту чувствовать цѣну всего того, что у меня похищено; едва осмѣливаться взирать на обожаемый предметЪ... АхЪ! вы не можете вообразить себѣ ужаснѣйшаго мученія моего! Однако всѣми силами буду стараться угождать всѣмЪ вашимЪ желаніямЪ; буду скрывать во глубинѣ сердца

ца тяжкіе свои вздохи; преодолѣю свое сердце, пусть и послѣ сего скажете что я недостоинъ участвовать въ такомъ правленіи, коего слава однимъ вамъ предоставлена. Павлинъ! станемъ оплакивать свою участь; но никогда на осмѣливайся напоминать мнѣ о такой страсти, которую должны мы навсегда покорить разуму. Чѣмъ ты меня можешь укорить? Это Богъ, которой сдѣлался твоимъ совмѣстникомъ, которой меня похитилъ у тебя, и которой будетъ подкрѣплять мои силы въ сей маловременной жизни! Довольно этого. Уже болѣе не буду слушать тебя. Пойдемъ къ Императору раздѣлять съ нимъ общее веселіе, и наипаче всего станемъ стараться о сохраненіи своего почтенія.

Съ сего времени Павлинъ скрывалъ свою страсть, которая перемѣнилась въ немъ въ нѣкоторое благоговѣніе къ Пульхеріи, питавшей въ себѣ, до конца жизни своей, одинакія чувствованія.

Бракосочетаніе Ѳеодосія съ Евдоксіею отправляемо было съ такимъ велико-

великолѣпіемъ, какого Константинополь не зрѣлъ съ самаго своего основанія; торжество продолжалось почти двѣ недѣли, въ кои позволены были всѣ публичныя игры; народъ свободно приходилъ во дворецъ, гдѣ воздавалъ свое почтеніе новой Императрицѣ и осыпалъ ее лестнѣйшими похвалами.

Евдоксія точно такъ поступала, какъ внушало ей непорочное сердце ея, и оказала самыя благороднѣйшія дѣйствія. Она приказала развѣдать, куда удалились ея братья, (*) и по сысканіи,

(*) Куда удалились братья ея. Евдоксіины братья, (говоритъ Историкъ Западной Имперіи), по справедливости достойны гнѣва ея; они какъ скоро узнали, что сестра ихъ сдѣлалась Ѳеодосіевою супругою тотчасъ бѣжали и скрылись. Императрица, будучи несравненно великодушнѣе и искуснѣе ихъ во мщеніи, наказала ихъ одними благодѣяніями; она приказала ихъ сыскать и привести въ Константинополь. — Евдоксія говорила своимъ братьямъ точно сіи самыя слова, кои Авторъ здѣсь присвояетъ ей. Демолетъ сіе дѣиствіе описываетъ совсѣмъ инакимъ образомъ: двое Аѳинаидиныхъ братьевъ, Валерій и Генцій, владѣли въ

нiи, привесть ихъ къ себѣ. Сiи нещастные, узнавъ о возвышенiи сестры своей, и опасаясь справедливаго гнѣва ея, немедленно убѣжали изъ своего отечества и скрылись въ неизвѣстномъ мѣстѣ. По многихъ трудныхъ поискахъ нашли ихъ и привезли въ столицу. Они предстаютъ предъ Императрицу, подобно какъ трепещущiе преступники, ожидающiе исполненiя надъ собою смертнаго приговора. Евдоксiя низходитъ съ трона, идетъ къ нимъ и обнимаетъ ихъ со слезами. —

К Брат-

въ Аѳинахъ ея наслѣдствомъ: — они узнаютъ, что сестра ихъ на тронѣ; страшатся мщенiя ея, намѣреваются итти исходатайствовать у нея прощенiе; они вмѣшиваются въ толпу придворныхъ, и при выходѣ ея изъ церкви повергаются къ стопамъ ея. Она узнаетъ ихъ, улыбается, и поднимая и объемля ихъ, говоритъ: чего вы страшитесь, друзья мои? Не видители, сколько я обязана вамъ за то, что вы принудили меня итти въ Константинополь? Все это, по моему замѣчанiю, описано весьма сухо и не краснорѣчиво. Однако такого штиля большая часть Историковъ придерживается. Не удивительно, что молодые люди не любятъ читать такихъ книгъ!

братцы .... любезные братцы! Императрица прощаетъ вамъ обиду, сдѣланную вами Аѳинаидѣ! Я вамъ большею обязана благодарностію, нежели какъ вы воображаете себѣ; я взираю на васъ, какъ на виновниковъ высочайшаго моего благополучія; не ваше жестокосердіе, но Божественный промыслъ удалилъ меня изъ отеческаго дому; Богъ Христіанскій, коему нынѣ со благоговѣніемъ покланяюсь, разлучилъ меня на краткое время съ вами, дабы возвесть на тронъ. Я Императрица, я Христіанка; такъ не должна ли вамъ простить?

Валерій сдѣланъ былъ первымъ Министромъ, а Генезій Иллирійскимъ Намѣстникомъ. Евхерій, подъ именемъ коего разумѣется Павлинъ, пользовался столь отличными знаками Евдоксіина благоволенія, что зависть во всей своей злобѣ возстала противъ его, и не устыдилась опорочить такую невинную дружбу, которая ничто иное была, какъ плодъ Евдоксіина вкуса къ

на-

наукамЪ. — Сія Государыня и на самомЪ дѣлѣ старалась показать себя великою, и принесть честь своему высокому сану. Она, будучи вЪ порфирѣ, сохранила пылкость своихЪ дарованій, чрезвычайную привязанность кЪ Литтературѣ и познаніямЪ. Много дошло до насЪ сочиненій ея, (*) кои всѣ читаютЪ сЪ удовольствіемЪ.

(*) ЕпископЪ АттикЪ возбудилЪ вЪ ней особенную привязанность кЪ Священному Писанію. Она оставила намЪ нѣкоторые переводы вЪ стихахЪ, — толкованіе на восемЪ первыхЪ БиблейскихЪ книгЪ и на двѣ книги ПророчествЪ Захаріина и Даніилова, — поэму вЪ трехЪ книгахЪ, писанную вЪ похвалу Кипріану, пострадавшему при Діоклитіанѣ. Сія поэма находится во Флоренціи, вЪ библіотекѣ МедисисЪ. Евдоксія сочинила и другую поэму на побѣду, ѲеодосіемЪ одержанную надЪ Персами. Ей также присвояютЪ Центоны Гомеровы на жизнь Іисуса Христа. Сія Государыня, проѣзжая чрезЪ Антіохію, привѣтствовала тамошній СенатЪ рѣчью. ТамЪ среди пространной залы сдѣланЪ былЪ для нея тронЪ, украшенный золотомЪ и дорогими каменьями. Антіохіоне, по обыкновенію, захо-

Евдоксія сдѣлавшись Императрицею, сохранила оную изящную доброту души, которая свойственна была чувствительной Аѳинаидѣ. Она всегда была подпорою нещастныхъ, матерью бѣдныхъ, покровительницею страждущаго человѣчества, а потому и въ самой гробъ снишла сопровождаема любовію и благословеніями всего народа, — оною лестнѣйшею наградою, коея должны искать всѣ земные владыки.

Поелику, по какой-то непонятной судьбѣ, рѣдко случается, чтобъ отмѣнное благополучіе не соединено было съ какими нибудь нещастіями: то и Евдоксія не избѣжала сей участи, и она при концѣ дней своихъ испытала нѣкоторыя домашнія огорченія,

---

хотѣли польстить Евдоксіи: они увѣряли ее, что предки ея жили въ семъ славномъ городѣ. Мудрая Императрица отвѣчала симъ Озидіевымъ стихомъ:

„Et cupio, & laetor veſtro me ſanguine natam.

А не Гомеровымъ, какъ говоритъ ле Бо.

нія (*), по причинѣ коихъ удалилась въ Палестину, и жила тамъ одиннат-

К 3 цать

(*) Нѣкоторыя домашнія огорченія и проч.

Здѣсь-то Аѳинаида заглаживаетъ, нѣкоторымъ образомъ, свое мнимое благополучіе; ибо сіе скорое и неожидаемое Евдоксіино возвышеніе, приведшее въ удивленіе весь свѣтъ, почитается виною въ глазахъ щастія. Какъ ревнивость обезображиваетъ характеры! Ѳеодосій, Государь кроткій, благотворительный, страстно любившій супругу свою, вдругъ дѣлается пасмурнымъ, задумчивымъ; а такая задумчивость нерѣдко доводитъ Государей до сильнаго гнѣва. Демолетъ сообщаетъ намъ слѣдующую повѣсть, которую едвали можно почесть справедливою; она содержитъ въ себѣ источникъ Ѳеодосіевыхъ огорченій и сопряженныхъ съ оными знаковъ негодованія его. ,, Въ одинъ торжественный день, какъ Императоръ шелъ въ первопрестольную церковь, крестьянинъ на дорогѣ предсталъ предъ него, и поднесъ ему прекрасное Фригійское яблоко, коему подобнаго въ чрезвычайной величинѣ никто не видалъ Ѳеодосій, въ знакъ благодарности, приказываетъ крестьянину выдать изъ казны сто литръ золота, а сей плодъ отнести къ Императрицѣ. — Евдоксія отъ

ее-

цать лѣтъ. Сія нещастная Императрица приказала сдѣлать себѣ гробницу

себя посылаетъ оной Павлину; сему нещастному такой подарокъ столько понравился, что онъ приказываетъ поднести его своему Государю при выходѣ изъ церкви. Монархъ, не говоря ни слова принимаетъ яблоко съ благосклоннымъ видомъ; и при входѣ во дворецъ, спрятавъ оное, прямо идетъ къ Императрицѣ. По нѣкоторыхъ постороннихъ разговорахъ спрашиваетъ ее, что она думаетъ о семъ яблокѣ, и куда его употребила? Евдоксія отвѣчаетъ, что съѣла его и подтверждаетъ то клятвою. Раздраженный Монархъ повелѣваетъ принесть оное; поноситъ супругу свою самыми язвительнѣйшими укоризнами; обвиняетъ ее въ обманѣ, въ невѣрности. Она приходитъ въ замѣшательство. Ѳеодосій оставляетъ ее. Приказываетъ немедленно отрубить голову Павлину такъ, что объ этомъ не были предъувѣдомлены ни Евдоксія, ни Пульхерія!

Это тотъ самой Павлинъ, коего Ѳеодосій называлъ своимъ другомъ, и къ коему онъ приверженъ былъ съ самаго своего младенчества! — Точно такой же достопамятный и поучительный примѣръ показалъ и Людовикъ XIII надъ любезнымъ другомъ своимъ Квинтомъ Марціемъ.

Но

ницу въ Iерусалимѣ, коего развалившiяся стѣны починила . . . Послѣ Елены,

---

Но обратимся къ Павлину. Вотъ какимъ образомъ Ле Бо предлагаетъ намъ сей интересный отрывокъ. Павлинъ съ самаго младенчества нѣжно любилъ Ѳеодосiя; они вмѣстѣ провели сiе наилучшее время жизни человѣческой, въ которое сердцу не извѣстны обманы и недовѣрчивость, и въ которое ничто не стѣсняетъ дружбы, ни почтенiе, ни предосторожность. Ѳеодосiевъ бракъ не только не прервалъ тѣсной связи между сими соревнителями въ ученiи и всегдашними друзьями; но еще соединилъ оную крѣпчайшими узами. Аѳинаида возвышенiемъ своимъ много одолжена Павлину; онъ, развертывая, такъ сказать, рѣдкiя качества ея, чрезвычайно привязалъ къ ней сердце Монарха. Ѳеодосiй еще болѣе полюбилъ сего царедворца, осыпалъ его почестями, поручилъ ему главную Министерскую должность, и обѣщался украсить его и еще важнѣйшими въ Имперiи достоинствами. Почтенiе, соединенное вмѣстѣ съ благодарностiю, заставляло Императрицу любить Павлина. Она видѣла, что онъ столькожъ привязанъ былъ къ наукамъ, сколько и сама она; — видѣла въ немъ надежнаго друга, и просвѣщеннаго вождя своего среди придворнаго лабиринѳа, совсѣмъ не-

ны, Константиновой матери (говоритъ ле Бо), никто столько не оказалъ почтенія святымъ мѣстамъ, сколько она.

Евдок-

неизвѣстнаго ей, и сіе невинное дружество доставляло Евдоксіи всѣ удовольствія, позволенныя добродѣтелію.

Вся Имперія поражена была сею смертію, а особливо Евдоксія; — при сей потерѣ много пострадала честь ея; она оплакивала вмѣстѣ и похищеннаго друга и свою добрую славу, сдѣлавшуюся добычею подозрѣній и обидныхъ злословій. Съ сего времени Ѳеодосій и величество казались ей несносными; она съ ужасомъ взирала на діадиму и сожалѣла о прежнемъ своемъ состояніи, которое, за 20 предъ симъ лѣтъ, оставила съ толикимъ восхищеніемъ; наконецъ удалилась въ Іерусалимъ, гдѣ равнодушно слушала всѣ придворныя новости, даже и о самомъ своемъ супругѣ. Дружескія бесѣды Меланіи доставили ей оной Философской покой, которой, безъ всякаго противорѣчія, можно назвать первѣйшимъ благомъ. По симъ-то приключеніямъ полезна Исторія и особливо великимъ людямъ, коихъ высокія достоинства могутъ погрузить въ нѣкоторой родъ забывчивости. Никто не умѣетъ такъ хорошо предложить истины глазамъ нашимъ. Аѳинаида съ малымъ

иму-

Евдоксія скончалась на пятьдесять четвертомъ, а по свидѣтельству нѣкоторыхъ Историковъ, на пятьдесять девятомъ году, 20 Октября 460 года. Она объявила при смерти своей, что совѣсть ни въ чемъ не уличаетъ ее въ разсужденіи Павлина; что любила, въ особѣ сего великаго человѣка, Ѳеодосіева друга и великодушнаго своего покровителя, старавшагося всѣ Пульхеріины намѣренія расположить въ пользу ея. Знаменитая Христіанка, именемъ Меланія, своими мудрыми разговорами вліяла въ сердце ея немалое отвращеніе отъ величества и сильную склонность къ уединенію. Ничто столько не сходствуетъ съ истинною Философіею, какъ Религія, разсматриваемая въ своемъ моральномъ предметѣ; цѣль и той и другой состоитъ въ томъ, чтобъ показать истинну, чтобъ дать намъ возчувство-

имуществомъ жила бы несравненно благополучнѣе Евдоксіи, обладательницы прекраснѣйшей въ свѣтѣ Имперіи!

ствовать нискость того, что возбуждаетъ прихоти въ большей части людей. Сколько ненатуральныхъ страстей, кои весьма бы показались намъ странными, естьлибъ мы совѣтовались только съ одними природными желаніями. (*)

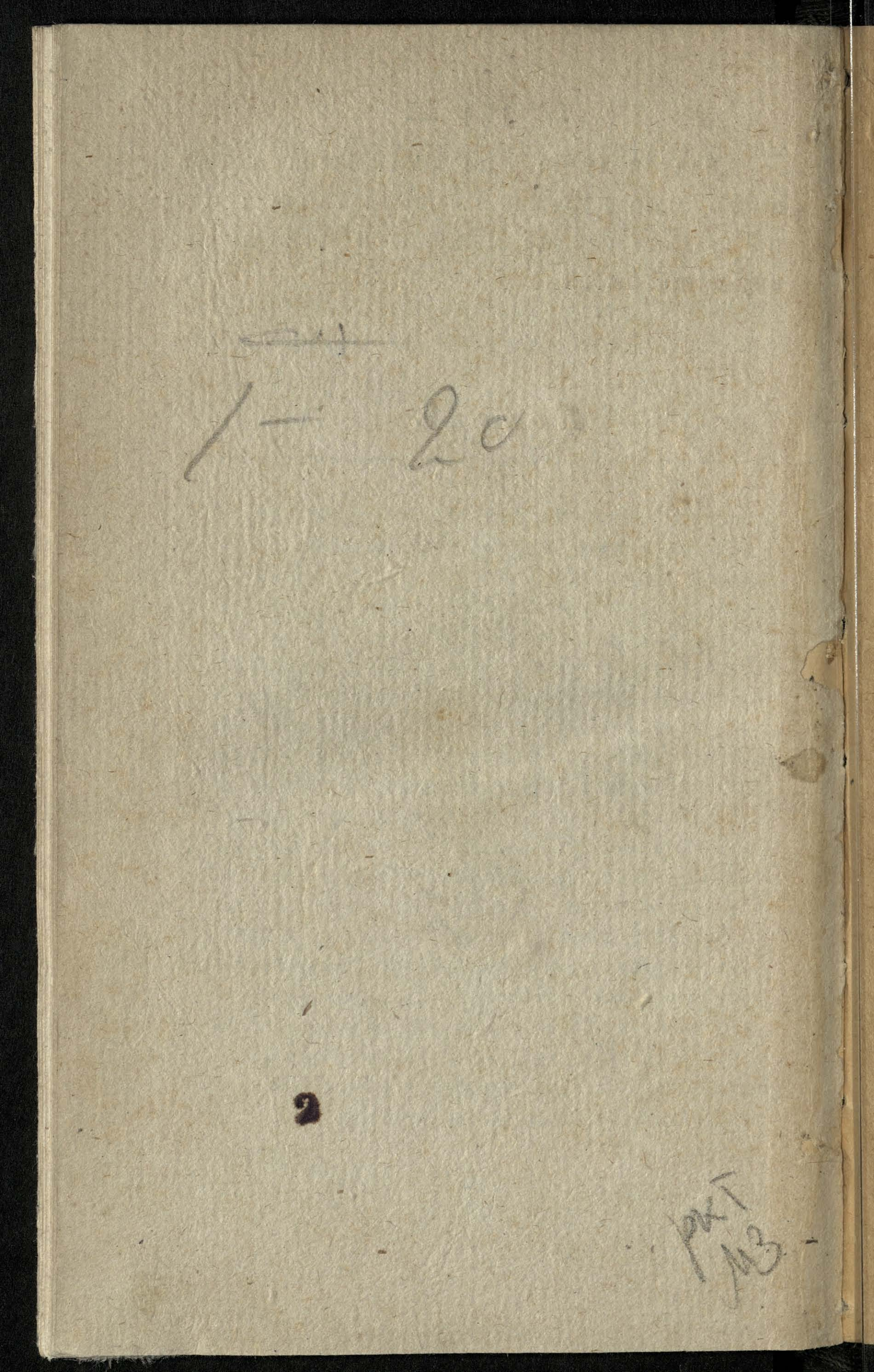
Благо-

(*) Благополучїе не заключается въ высокихъ честяхъ! не нужна ему и низкость состоянїя! Лудовикъ XIV, скруженный толикимъ сїянїемъ славы, пресыщенный столь громкими похвалами, почитавшїйся однимъ изъ числа оныхъ наивеличайшихъ Государей, коими гордятся нацїи, правильно могъ подумать при концѣ жизни своея, что послѣднѣйшїй изъ подданныхъ его не столько злополученъ, какъ онъ. Истинное благополучїе находится внутрь насъ, а внѣ ловимъ одни только ложные призраки онаго. — Желаешь ли быть благополучнымъ, сказалъ одинъ Философъ, будь таковъ самъ по себѣ и въ самомъ себѣ и проч. Нѣкто изъ нынѣшнихъ мудрецовъ, казалось, хотѣлъ возстановить сїю систему, которую можно почесть игрою воображенїя. — Онъ составилъ общество изъ друзей, называемое *умственный міръ*, и въ семъ то искалъ своего удовольствїя и наслаждался онымъ!

Благополучіе не заключаешся въ томъ, что поражаетъ наши глаза: одно только сердце можетъ и цѣнить и вкушать оное!

Конецъ.

1— 20

